

ДОКУМЕНТЫ

генерального совета

№ 365

год LXXIX

октябрь - декабрь 1998

1. ПИСЬМО ГЕНЕРАЛЬНОГО НАСТОЯТЕЛЯ

Дон Хуан Векки

“ОТЕЦ ПОСВЯЩАЕТ И ПОСЫЛАЕТ НАС”

I. Посвященная жизнь

1. Неотложный призыв
2. Ключевое слово
3. Радостный опыт полученного дара
4. Признание инициативы Божьей
5. План жизни в Боге
6. Публичное принесение обетов
7. Некоторые следствия.

II. Наше апостольское посвящение

1. Своеобразие “салезианского” посвящения
2. “Посвященная” необычность нашей апостольской миссии
3. Служение и пророчество
4. Множество даров нашей посвященной общины
5. Некоторые следствия
6. Руководитель посвященной общины.

2. НАПРАВЛЕНИЯ И ДИРЕКТИВЫ

2.1 Дон Люк ван Лоой

ОБЛАСТНОЙ ДИРЕКТОРИИ

2.2 Дон Лючано Одорико

ФОРМИРОВАНИЕ КАТЕХИЗАТОРОВ В МИССИОНЕРСКИХ СТРАНАХ

3. ПРЕДПИСАНИЯ И НОРМЫ

Исповедание веры и клятва верности при принятии какого-либо служения именем Церкви

1. ПИСЬМО ГЕНЕРАЛЬНОГО НАСТОЯТЕЛЯ

“ОТЕЦ ПОСВЯЩАЕТ И ПОСЫЛАЕТ НАС”¹

I. ПОСВЯЩЕННАЯ ЖИЗНЬ – 1. Неотложный призыв – 2. Ключевое слово – 3. Радостный опыт полученного дара – 4. Признание инициативы Божьей – 5. План жизни в Боге – 6. Публичное принесение обетов – 7. Некоторые следствия.

II. НАШЕ АПОСТОЛЬСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ – 1. Своеобразие “салезианского” посвящения – 2. “Посвященная” необычность нашей апостольской миссии – 3. Служение и пророчество – 4. Множество даров нашей посвященной общины – 5. Некоторые следствия – 6. Руководитель посвященной общины.

Рим, 8 сентября 1998 г.

Праздник Рождества Богородицы

Возлюбленные братья,

Я рад приветствовать вас, вместе с членами Генерального Совета, в момент, когда часть из вас собирается начать новый год пастырской деятельности, а другие собираются позать конечные его результаты. Я обращаюсь с особыми словами ободрения к тем общинам, кто находится в трудном положении по причине войн и различных конфликтов, в особенности в Африке. Я прошу вас помнить о них и молиться за них.

Предыдущее письмо по поводу воодушевляющего ядра вызвало полезные размышления. Оно вызвало также некоторую озабоченность, и ряд братьев взяли на себя труд изложить ее мне. Эта озабоченность дает мне возможность еще несколько углубить тему, становящуюся определяющей на пути последних лет: способность салезианской общины воодушевлять.

I. ПОСВЯЩЕННАЯ ЖИЗНЬ

1. Неотложный призыв

Когда начинаешь разговор на эту тему, часто возникает вопрос. Он относится к глубине, влиянию, важности нашей посвященной жизни в труде воодушевления общины, в направлении образования и педагогической практики. Он относится в основном не ко времени, которое позволяет нам уделить посвящение, этот фактор можно восполнить за счет большего привлечения имеющихся ресурсов мирян, и даже не к компетентности в динамике общины или в воспитании, что сегодня легко найти у мирян; а именно к особому качеству, которое посвященная жизнь привносит в общение, в воспитательно-пастырское предложение, в педагогическую практику.

ГК 24 проявил большое внимание к этим проблемам. Несмотря на то, что на нем они не получили органичного единообразного развития, он все же дал нам ряд моментов, которые следует еще раз осмыслить. Не претендуя на полноту, я полагаю, что их можно обобщить в некоторых пунктах.

Пункт первый: переживаемое с подлинной радостью посвящение ставит в салезианскую воспитательную общину ряд особых моментов: первоочередность Бога в жизни², подчеркивает духовность в воспитательных задачах³, внимание к салезианскому духу⁴, видение развития человека, соответствующее схеме нового человечества, открытость опыту Бога у молодежи и взрослых⁵.

Если все эти пункты быстро просмотреть, можно выявить еще один важный момент: сущность посвященного подчеркивается “как динамическая и специфическая сила в воспитании и воодушевлении ВПО⁶. Значит, посвященные должны безотлагательно углубить свою личность⁷, ибо это последний довод в признаваемых за ними функциях, и возможность выполнять их результативно, в соответствии с поставленными Конгрегацией задачами.

Это размышление безотлагательно также и вследствие того, что было обнаружено призвание мирянина⁸ и призывали к его полнейшему раскрытию.

Она должна заставить посвященных развивать и разделять дары, являющиеся результатом своего призвания, сознавая “То, что у нас общего, а также и наши различия” с мирянами, зная

также, что существует некая общая точка отсчета: ораториальное сердце и стиль Доброго Пастыря⁹.

Третий момент: все вышесказанное должно помочь преодолеть некоторую дезориентацию некоторых посвященных относительно их участия в воспитательной общине и той роли, которую можно доверить мирянам¹⁰. Их участие должно состоять скорее в том, что они передают дух¹¹, а не в материальном выполнении повседневной работы. Отношение с мирянами следует строить на основе совместного участия в дарах¹².

И еще: чтобы этот план удалось выполнить, следует делать ставку на первоначальное формирование¹³ и на непрерывное развитие, которые помогли бы салезианцам “углубить сущность их посвященной жизни и укрепить их серьезную убежденность в воспитательной ценности этой посвященной жизни”¹⁴.

Влияние посвящения на воодушевление общины и направление воспитания особенно полно рассматривается в ст. 149-155 ГК 24, средоточие которых - в следующем утверждении: “Дон Боско пожелал, чтобы в центре его деятельности, направленной на спасение молодежи и на их святость, находились посвященные лица. Он желал, чтобы монашествующие служили точным ориентиром его харизмы”¹⁵.

Это его желание приписывают божественному внушению; поэтому оно является определяющим для миссии, поскольку она заключается не только в мирском развитии, но и в предложении святости молодежи. “Под водительством Господним Дон Боско учредил общину посвященных для того, чтобы она стала закваской в многообразии своего служения, духовно воодушевляла всех, кто отдает себя делу воспитания, и гарантировала непрерывность молодежной миссии”¹⁶.

Стало быть, харизма не может быть полностью и истинно выражена, если нет мирян; но еще и того меньше она выразится, если не будет специфического вклада посвященных.

Из этого для салезианской общины вытекают следующие направления: “она должна часто проверять влияние своей посвященной и общинной жизни; использовать всякий удобный случай для того, чтобы представить и объяснить мирянам и молодежи специфичность посвященной жизни в ее воспитательном аспекте”¹⁷.

Те же самые проблемы встречаются не только в наших **монашеских общинах**. Будучи уверены в том, что воспитание, в особенности школьное, это очень полезная для евангелизации деятельность, немалое количество монашествующих задают себе вопрос, какое место занимает в ней их радикальный выбор Царства.

Сталкиваясь с тем, что основные задачи поручаются мирянам, что им отдается и наша педагогическая традиция, кое-кто чувствует некоторое замешательство по поводу своего вклада, не может полностью посвящать себя своему труду и теряет веру в компетентность, которую требует такая жертвенность. Это происходит даже после того, как определена первоочередность задач, указанных ГК 24: формирование, направление, воспитательная сущность.

С точки зрения молодежи, немалое количество из них подчеркивают, что им удается понять профессионализм и великодушие нашего служения, но не всегда столь же понятны им его подлинные причины и конечный смысл.

С другой стороны, вполне реально, что в некоторых структурах не удастся проявить посвященный выбор вследствие массы побочных видов деятельности: их члены завязли в способах, и забыли о целях. То же происходит и при исполнении некоторых организационных или руководящих должностей, когда не происходит соединения профессионализма и ораториального сердца, а это-то как раз и определяет суть салезианца.

Что касается самой общины, кое-кто жалуется не то, чтобы на утрату, а на недостаточность выражения, чувства и непосредственных проявлений посвящения, а именно, братства и ежедневной молитвы. Мы признаем, что это происходит из-за многочисленных обязанностей, принимаемых на себя ради пастырской любви, но все же этот факт отражает обеднение свидетельства посвящения, а самым молодым становится трудно радостно переживать его.

24 ГК, – а также, разумеется, и областные Капитулы – достаточно широко занялся проблемами установления отношений с мирянами, основными принципами присутствия монашествующих в воспитательной общине, основным предметом их участия и качеством их деятельности. Я не стану подробно останавливаться на этих пунктах. Считаю, что, если они и не выполнены, то, по меньшей мере, достаточно четко представлены вам. Я достаточно писал по этому поводу в предыдущем письме *Знатоки, свидетели и творцы единства*¹⁸

Беседа по поводу нашего посвящения отдаляет эти указания, перенося нас к их более глубокому личному источнику. В этом смысле она прозвучала также и в нашем планировании на шестилетний срок¹⁹.

2. Ключевое слово.

В дискуссиях последних лет выявились различные позиции относительно посвященной жизни и ее места в Церкви.

Существуют различные ключевые слова, вводящие нас в самую суть вопроса: *харизма, sequela Christi, миссия*.

Синод по поводу посвященной жизни осознал эти различные позиции, и попытался ввести их в общее русло. Он попросил Папу дать точный ответ на некоторые вопросы, чтобы иметь возможность проводить различие встающих перед нами трудностей и развивать постоянные ценности посвященной жизни, в том числе, и через новые выражения.

Среди требующих прояснения вопросов был отличительный элемент, определяющий сущность посвященной жизни, а стало быть, также ее специфический вклад в жизнь христианской общины и в пастырское служение.

Известно – это оказалось предметом многих комментариев, – что в апостольском увещании считается, что это *посвящение*. Это уже присутствовало в учительстве, начавшемся от Второго Ватиканского Собора до Синода по поводу посвященной жизни. Однако этот вопрос был отчасти запутан и узким истолкованием посвящения, и новым обликом посвященной жизни в Церкви, понимаемой, как народ Божий, а также и увеличивающейся секуляризацией, что привело к изменению значения “священный”.

В декларации *Основные элементы учительства Церкви о монашеской жизни* (31 мая 1983 г.) утверждалось: “В основе монашеской жизни лежит посвящение. Настаивая на этом принципе, Церковь делает упор на инициативе Божьей, а также на иных, новых отношениях с Ним, к которым приводит монашеская жизнь”²⁰. Итак, два основных момента определяют реальность посвященной жизни: инициатива Божья, которую субъект ощущает, как призыв, и новые, необычные отношения с Ним, на основе которых направляется и организуется жизнь.

В апостольском увещании *Redemptionis Donum* (25 марта 1984 г.), целью которого было помочь начавшейся плодотворной дискуссии, говорилось применительно к монашествующим: “Церковь думает о вас прежде всего, как о посвященных лицах: посвященных Богу в Иисусе Христе, как Его исключительная собственность. Это посвящение определяет ваше место в обширной общине Церкви, народа Божьего. В то же время, оно вводит во всеобщую миссию этого народа особое богатство духовной и сверхъестественной энергии”²¹.

Итак, *посвящение* стало ключевым словом, которым подытоживают состояние и путь к святости тех, кто, принеся публичные обеты, радикально следует за Христом. Все жизненные планы, отвечающие этому решению, обозначаются, как *посвященная жизнь*, даже несмотря на то, что между ними есть существенные различия в принципах, организации и непосредственных целях.

В апостольском увещании *Vita Consecrata* непосредственно рассматривается этот вопрос, и о нем говорится с нарочитой ясностью, приводятся и другие квалифицирующие и отличительные аспекты этого рода жизни. В главе 72, под названием “Посвященные на миссию”, читаем: “По образу Иисуса, Возлюбленного Сына, “Которого Отец посвятил и послал в мир” (*Ин 10, 36*) и те, кого Бог призывает следовать за Собой, посвящены и посылаются в мир, чтобы подражать Его примеру и продолжить Его миссию”²².

Проясняется смысл и рассеиваются неясности такого посвящения, определяемого, как “новое и особое”. Существует преемственность с крещальным посвящением, поскольку оно принимается в радикальной форме. В то же время, имеется и новизна, некий “скачок”, исход, вмешательство Божье, поскольку этот тип жизни не обязательно включается в крещальную благодать. Он влечет за собой личное призвание.

Объективное превосходство посвященной жизни не исключает других в своем роде объективных превосходств (мирское, священническое) и не приводит к духовной иерархии. Однако оно рождает обогащающее различие в единстве, и представляет собою типичный вклад в смысле знака, вести, свидетельства христианской жизни и служения миссии Церкви.

В апостольском увещании *Vita Consecrata* подчеркнуто, что ни один другой элемент, за рамками этого элемента или отдельно от него, не может придать облик монашеской жизни и узаконить ее присутствие в современном мире: ни заботы о воспитании, ни социальные заботы, ни

добровольное служение в ситуациях бедности, ни борьба за великие идеалы человечества: только тот факт, что мы услышали призыв Божий, и согласились с неизбежностью центральной роли Христа в направлении и организации своего существования. Прочие мотивировки не могут придать оригинальность, а также не достаточны для того, чтобы принять посвященную жизнь. Из всего этого видна неубедительность призвания, в основе которого лежит лишь восторженное желание работать с молодежью или способствовать улучшению состояния бедняков и прочих людей такого рода, в особенности сегодня. Такие мотивировки исчерпываются, если у них нет более прочных и надежных оснований.

Необходимо прокомментировать вышесказанное.

Не все поняли важность и настоятельность этого выбора. На различных собраниях и встречах мне приходилось слышать различные оговорки по этому поводу. Неплохо понять их мотивировки, поскольку порою эти оговорки там и сям прослеживаются и в наших разговорах.

Кто-то опасается, как бы о монашествующих не стали вновь думать, как о людях, открыто существующих в другом социальном положении, что современному стилю мышления представляется “чуждым”. Это совершенно исключается. Из нашего выбора Бога вовсе не вытекают какие-либо прерогативы или привилегии “статуса” ни в светской, ни в Церковной атмосфере. И стоит напомнить, что наша жизнь ничем не защищена, а скорее подвергается опасностям всяческого рода.

Некоторые оговорки возникают также из подозрения, что посвященные считают себя самих “высшими существами”, так же, как и другие считают их. “Объективное превосходство” посвященной жизни, “новое особое посвящение”, термин “более” (более радикальный, более интенсивный, более близкий, более соответствующий), который часто повторяется при описании забот монашествующего о требованиях каждого христианина, вызывает недоверие. Точно также присутствует опасение, что монашествующие как бы собраны в отдельную категорию, в разрез с существующим еkkлезиальным видением, которое следует воплотить также и в непосредственно близкой среде, например, в местных церквах и приходских общинах.

Кое-кто упоминает еще две проблемы. Одна из них – пастырского типа: а именно, что первое и почти изолированное утверждение о личных отношениях с Богом сосредоточивает монашествующих на ощущении собственного совершенства, отрывая их от того факта, что они живут для мира. Другая – духовная: а именно, что это определяет подчеркнуто интимное или дуалистическое (небесное – земное, духовное – плотское, отношения с Богом – деятельность в миру) видение христианского опыта. Эти два аспекта близко смыкаются ради апостольских целей нашей Конгрегации, упомянутых в пункте 6 нашего Устава, а также ради активной духовности, основанной на пастырской любви.

Ни одно значение, вызывающее все эти недоверия, не подразумевается термином посвящение, в соответствии с проведенными за последние годы объяснениями его. Напротив, подчеркивается всецелость посвящения. Она включает одновременно все элементы плана жизни в Боге: евангельские советы, апостольскую миссию, братское единство, духовность. Это не какой-либо “организационный” элемент, отличный от них, или стоящий над ними всеми, а то событие, на котором они основываются. Это – та благодать и те отношения, которые охватывают их всех.

Это знакомо нам, поскольку мы видим то же в нашем Уставе: “Апостольская миссия, братская община и воплощение в жизнь евангельских советов – вот неотъемлемые части нашего посвящения, переживаемые нами в едином устремлении любви к Богу и братьям”²³.

Посвящение заключается не во внешнем устройстве жизни, а в благодати, преобразующей внутренне. В наших Правилах утверждается, что мы посвящены не каким-либо человеком или человеческим учреждением, не каким-либо действием, пусть даже литургическим, а даром Духа: “Отец посвящает нас, даруя Своего Духа, и посылает нас апостолами молодежи”²⁴. Этот мотив неоднократно повторяется в нашем Уставе, другими, похожими по смыслу словами: призвание, завет с Богом, полное самопожертвование, предпочтительная любовь, радикальный выбор. Все они указывают одно и то же: совершенно особые отношения Бога и с Богом, отмечающие наш личный опыт и наш воспитательный труд.

При этом обобщенном смысле (следование за Христом с принесением обетов, общинная жизнь, конкретные формы миссии) в рамках посвященной жизни существуют множество форм, или типов. Посвящение не является единым по своему образу, оно выражается многообразно. Говорят о старых, современных и будущих формах посвященной жизни. Очень важно понять это, чтобы не путать посвящение лишь с узко “монашеским” аспектом, создавая некий дуализм относительно

пастырских обязанностей, тем более тогда, когда, как это имеет место и в нашем случае, протекают в мирской атмосфере и требуют наличия профессионализма и мирских отношений.

Для нашей личной целостности, для нашего свидетельства, для того вклада, который мы предлагаем воспитательной общине, нужно открыть некоторые аспекты посвящения. Сегодня его полагают скорее неким “continuum”, включающим всю жизнь, а не отдельным “моментом” (? Непонятно; стр. 12, 2 снизу абзац); его считают не “состоянием”, в котором мы существуем стабильно, раз и навсегда, а даром, путем, который следует пройти, отношениями, которые следует развивать. “Вся жизнь, посвященная служению Богу, устанавливает особое посвящение”²⁵.

Посвященная жизнь включает личный опыт призвания, принятие с верой инициативы Божьей, выбор плана ученичества или следования за Христом, признание Церковью деяния Божьего в нашей личности и публичное включение избранного плана в ее миссию.

Полагаю, что полезно будет переосмыслить и вновь пережить эти аспекты и моменты. Они имеют не только доктринальный, просветительный смысл, но и представляют условия живого выражения посвящения в нашей атмосфере.

3. Радостный опыт полученного дара.

“*Призыв, сопровождающийся внутренним притяжением*”, говорится в апостольском увещании Vita Consecrata, когда речь идет о посвящении²⁶. “Призванные к посвященной жизни, безусловно, переживают *необычный опыт света*, исходящего от Воплощенного Слова”²⁷. “Тот, кто получил благодать этого особого единения с любовью Христовой, чувствует, что ее сияние приводит его в экстаз”²⁸.

Во многих “мотивировках”, проходящих через все апостольское увещание, подчеркивается этот субъективный элемент, являющийся знаком и первым шагом посвящения: призыв притягательной красоты, чувство, что Христос проявился для тебя неким особенным образом²⁹, что тебя увлекают за пределы вечного³⁰ или что ты объят сиянием истины, возможность получить опыт Бога любви, внутренняя радость из-за нового знания, очарование мудрости.

Посвящение заключается в том, что мы чувствуем Бога в нашей жизни необычным образом, так, что Он полностью обнимает ее и становится основным ее “мотивом”, Тем, Кого мы слушаем более других, и на Кого смотрим с особым вниманием и прязнью. И вовсе не по религиозной или этической обязанности, а как на жизнь, смысл и радость.

Это притяжение, или влюбленность в Бога – данность и опыт, который мы можем пережить задним числом. Он отмечает, каким образом мы решили избрать это призвание. Мы, безусловно, помним, когда и по какой причине мы приняли этот выбор, как супруги помнят, когда произошла их встреча, и каким образом появилась их взаимная привязанность.

Для некоторых это могла быть внезапная вспышка в момент особой духовной напряженности, например, во время духовных упражнений. Для основной массы все происходило постепенно: первичный опыт, полученный при соприкосновении с атмосферой или лицами монашеского толка, в которых они обнаружили некую особенную ценность. Затем, постепенно, открылся источник, откуда происходят эти ценности; они приняли участие в опыте тех, кто произвел на них такое большое впечатление посредством дружбы, сотрудничества и искренних признаний. Так открылась новая, полная смысла панорама жизни. И, наконец, они почувствовали, что их “завлекли”, по выражению апостола Павла: “*Меня привлек Иисус Христос*”³¹.

В библейский опыт входит принадлежность Богу, невозможность оторваться от Него, даже осознавая наши слабости и неверность: “*Ты завлек меня, Господи, и я не устоял. (...) В сердце моем пылал огонь, проникавший до костей. Я пытался удержать его, но не смог*”³².

Временами эти личные истории повторяются, когда на молодежных встречах кто-либо из вновь принесших обеты рассказывает товарищам, как и почему он решил выбрать монашескую жизнь.

Эти рассказы очень разнообразны с точки зрения отдельных случаев и обстоятельств. Но, в сущности, они все основываются на одной схеме: после первого неясного осознания значения Христа, Бога-Отца в своей жизни, размышление привело молодых людей избрать их “любовью” своей жизни, и предпочесть ее любому иному человеческому опыту. Таково начало. Более полную историю мы слышим от монашествующих, в частности, и от наших братьев, которые с радостью откликнулись на призыв.

Посвящение заключается вовсе не в указе, в совокупности внешних знаков, в социальном статусе, в отделении от мира, а в том факте, что Бог вошел в жизнь человека и занял в ней главное место, что Он живет в этом человеке и становится его собеседником и партнером.

Стало быть, оно не принадлежит исключительно монашествующим и даже не только христианам. Куда бы ни вмешивался Бог, созидая и спасая, он освящает все присутствием Своей любви и придает всему незыблемое достоинство. Первое посвящение – это человеческая жизнь: это первый акт любви, устанавливающий неприкосновенность человека, его превосходство надо всем, а также основные черты нашей жизни.

Через веру и крещение, являющиеся самовыражением Бога при посредстве служения Церкви, наша принадлежность Ему становится осознанной и преобразуется в принцип нового личного развития. Мы сами множество раз объясняли это молодежи, когда говорили о том, что посвящение крещения делает нас сыновьями Божьими, членами Его народа, храмами Духа.

Отличающая посвященного в монашеской жизни или в “миру” черта состоит в том, что он чувствует все это, как основной элемент, как неотъемлемый момент собственной реализации. Бог приходит к нему, когда он планирует свою жизнь, и посредством Духа привлекает его к Себе радикальным образом, исключая все остальное: это факт, вытекающий из посвящения; Церковь узнает его, доведет до общего сведения и подтвердит, включая этот дар в свое единство и миссию.

Недавно прошедший в Риме конгресс молодых священников (октябрь 1997 г.), выразил этот первый элемент посвящения в девизе: *Vidimus Dominum*. Мы пережили опыт встречи, открытия, “видения” Господа.

Живость этого выражения не должна уменьшаться с возрастом или переходить в привычку. Напротив, это – призыв к более зрелой и полной жизни. Если этого не произойдет, монашеская жизнь потеряет свою мотивировку и превратится в функционерство, то-есть, просто в четкое выполнение своих обязанностей.

И с нами случится то же, что случается с усталыми супружескими парами, которые продолжают мирное сожительство, но не ожидают от него ни радости, ни новизны.

Добавлю то, что сегодня необходимо. Мы переживаем время возникновения “субъективизма”. Общение приводит к подчеркнутой “эмоциональности”; молодежь идет туда, куда влечет ее “сердце”. сейчас менее, чем когда –либо, показана “неконкретность”, предложение, которое не затрагивало бы жизнь. Молодым монашествующим Папа говорил: “Эта мудрость (посвященной жизни) есть *вкус* тайны Божьей, *вкус* близости Бога; но еще это и прелесть совместной жизни во имя Его”³³.

4. Исповедание Божьей инициативы.

В соответствии с этой интуицией, вкусом, ясным ощущением присутствия Божьего и притяжения Христа и нашего радостного принятия всего этого, в нас все более углубляется убежденность, что на нас направлены внимание и любовь Божьи, и не вообще, как на отдельного человека в массе людей, а лично: “Я позвал тебя по имени”³⁴.

“Он избрал нас прежде сотворения мира, чтобы нам быть Его приемными детьми”³⁵. Писание полно такого рода выражениями, когда описывается отношение Бога к нам.

Он сделал первый шаг. Это не мы пришли к Нему; Это Он пришел к нам и вошел в нашу жизнь. Категория “дар”, принятая для определения факта, и не только факта призвания, а и самого факта существования, является преобладающей, и постоянно употребляется в апостольском увещании.

Поражает употребление глагола “посвятить” в пассиве. Часто говорится “мы были посвящены”. Посвящение – это не какое-то усилие, которое делаем мы, чтобы дойти до какой-то степени добродетели, или чтобы поставить мысль о Боге в центр нашей жизни. Это скорее следствие факта, находящегося в самой глубине нашего существа, того факта, на котором мы основываем наш план. Посвящение – это появление, дар, приход Бога к нам, вторжение благодати в нашу жизнь. В Евангелии инициатива выражается, как взгляд Иисуса на некоторых, призыв, предложение, как исходящее от Него обаяние, практическое участие, вызов, приглашение в гости.

То же самое случается в судьбоносных призваниях. Они неожиданны и непредсказуемы. Не пророк отправляется на поиски Бога, а Бог обрушивается на него, овладевает им. Амос говорит, что он пас стадо, когда услышал голос Божий³⁶. Приблизительно то же, хотя и в других, весьма несходных, обстоятельствах, рассказывают другие пророки. Обычно, ради теологической точности последовательности порядка причинности, этот элемент объявляют на первом месте.

Инициатива исходит от Отца, ставящего нас на путь Христов. “В этом заключается смысл призвания к посвященной жизни: инициатива, полностью исходящая от Отца (ср. Ин 15,16), требующего от избранных Им ответ в виде полной и исключительной преданности”³⁷. Исторически инициатива принадлежит также и Сыну. Иисус зовет, предлагает: “От некоторых Он требует полного участия, включающего необходимость оставить все (ср. Мф 19, 27), чтобы жить в

близости с Ним и следовать за Ним повсюду³⁸. Инициатива принадлежит Духу, Который, действуя в глубине совести и мышления, приводит к открытости, открывает тайны, рождает вкусы, намерения, стремления, любовь к Богу и Его деятельности. “Именно Дух вызывает желание полного ответа; именно Он направляет рост этого желания, таким образом, чтобы оно созрело, стало положительным ответом и затем поддерживает его верное исполнение³⁹”.

Речь идет о том, чтобы внимательно слушать, ответить, принять, чтобы Он мог занять вас. Следует чувствовать присутствие, избравшее нас предметом своего предпочтения, и отвечать с любовью. Посвящение основано на отношениях: оно выражается главным образом не в том, чтобы преодолеть себя самих, это – встреча, борьба с Богом. В библейском образе борьбы Иакова с Богом преобладает желание близости и благословения Господня, от которого нельзя отдалиться, даже если по временам Его присутствие вызывает в нас сопротивление. Этот образ великолепно выражает отношения, которые ощущаются, как жизненно важные, даже в проблематичной жизни.

Эта инициатива Божья не должна оставаться личной “тайной”, богословской доктриной; она должна стать “исповеданием”, или торжественным заявлением, объясняющим молодежи наш жизненный выбор. Нужно прежде всего пробудить ее в неминуемые моменты испытаний, в разрешении которых мы часто полагаемся только на наши силы.

5. План жизни в Боге.

Из двух вышеописанных фактов, которые с экзистенциальной точки зрения, являются одним-единственным фактом (присутствие Божье -принятие, призыв – следование, дар – соответствие, откровение – согласие), вытекает третий факт: направление и жизненный выбор.

В нас созрело убеждение и ощущение, что мы принадлежим Ему, что в Нем мы живем, движемся и существуем⁴⁰, что Он – первый, единственно главный, и не абстрактно, не вообще, для мира и для рода человеческого, а для нас.

На Нем мы сосредоточили чаяния и надежды. Его мы ищем “с самой зари⁴¹”, то-есть, постоянно, как источник смысла, как собеседника, как товарища.

Из этого рождается связь, наполняющаяся светом и миром, даже с психологической точки зрения; именно она характеризует нас в глазах мира. Посвященный – это тот, кто сделал Бога и религиозные ценности, веру и все то, что она может предложить, средоточием своей жизни. “Господь – часть наследия моего⁴²”.

Это становится не только неясным желанием, но твердым намерением. Усилие заключается в том, чтобы пытаться пережить тайну Божию не как короткую еженедельную или ежедневную паузу, например, во время мессы или молитвы, а как постоянные отношения, на основе которых возникают решения и жизненные принципы.

Поэтому мы выбираем конкретный план, видимую форму жизни, носящую знак Божий. Мы включаемся в общину, которую можно узнать по самому выбору. Она предусмотрела путь, следуя по которому, можно развить этот выбор.

Этот тип жизни в общине тоже “посвященный”, и не потому, что мы материально отделены от мира, не из-за знаков или внешних приемов (такое видение не соответствует христианской вере), но потому, что единство возникает благодаря непрерывной деятельности Духа. Единство основывается на Евангелии, а Церковь признает в нем одно из своих истинных видимых выражений. В нашем Уставе этому посвящена 50 глава: “Бог призывает нас жить в общине... (в них) мы представляем собою единое сердце и единую душу, любя и служа Богу и помогая друг другу⁴³”.

В этом плане подчеркивается желание уподобиться Христу, выраженное в том, что евангельские советы принимают с обетами. Несмотря на то, что в этих советах точно выражаются их специфическая тема, однако в них имеется и более общий смысл, исходя из которого, можно проявлять безграничное великодушие и творческие способности.

В них выражается самая суть Евангелия; они – знак той жизни, которая основана на Евангелии. Сегодня эти советы вызывают множество вопросов и рождают новые проблемы. И весьма небесполезно еще раз поразмыслить над ними, сопоставляя их с сегодняшними течениями, модами или привычками, чтобы вновь открыть заложенную в них творческую силу, отрицание привычных устоев и пророчество. Ведь вызов рождает новые выражения; появляется новый смысл. Понять их в евангельском смысле, избрать их в качестве жизненного принципа, принять решение открыто исповедовать их, проявить творческие способности, выражая их сегодня – все это дар Троицы, отражающий тайну Ее дарения.

Следует добавить еще два требования к подражанию. Прежде всего, дружбу и тесную близость со Христом. Принять Его предпочтения, Его поведение – этого недостаточно. Нужны личные отношения. Иисус – это живой Человек; с Ним нужно встретиться, в Нем следует жить. Между посвященным и Ним устанавливается глубокая связь. Этому нас учит жизнь Его учеников. Ведь у Иисуса были слушатели, поклонники, последователи, ученики, и несколько человек, особенно близких друзей: “Вы – Мои друзья”⁴⁴. Ими двигало желание разделить с Ним жизнь, пребывать с Ним вместе. “Учитель, где Ты живешь?”⁴⁵. Повторяется, что посвящение близко включает человека в жизнь и пасхальную тайну Христа, и следует поразмыслить над этим.

Сегодня, когда все элементарные связи кажутся слабыми, и любая формальная принадлежность представляется непостоянной, невыразительной, этот личный опыт предстает, как убедительное свидетельство, как гарантия верности.

Вполне закономерно следующее уточнение: нужно стремиться проявить дружбу со Христом эмоционально, а не только эффективно. Следует избегать двух крайностей: чтобы любовь не выродилась в поверхностное чувство, в простое движение чувствительности; а с другой стороны, чтобы наше сердце не иссохло от забвения или от интеллектуальности. Если нередко нашу волю тормозит любовь Божья, то это происходит, в частности, и потому, что наша человеческая чувствительность атрофирована. Если вера или мысли о Боге не затрагивают чувства, они остаются поверхностными и недееспособными. Некоторые святые выражали свою любовь к Богу с нежностью. Можно вспомнить святого Франциска Ассизского, но не меньшей была и любовь святого Франциска Сальского, хотя в несколько ином стиле; мы же основываемся на его духовности.

Кроме подражания и близости, нельзя забывать об активном участии в Его делах, то-есть, подвизаться во имя того, во имя чего Он трудился и страдал. Мы поговорим об этом позже, рассказывая о предпочтительно апостольском характере нашего посвящения.

Этот путь дружбы, подражания, участия, ученичества в апостольском увещании определяется, как “принятие, соразмерное Христу”⁴⁶. “Исповедуя советы, посвященный не только делает Христа смыслом своей жизни, но и заботится о том, чтобы воспроизвестись в себе, насколько возможно, “форму жизни, которую принял Сын Божий, придя в мир”(СН, 44)”⁴⁷.

И этот аспект посвящения вызывает у нас практические, здравые вопросы. То, что было и остается объективно ядром, генерирующим и освещающим план, выбор Христа, сохраняет ли в сердце и в жизни свое центральное положение, освещая и окрашивая все остальное?

Удается ли нам дать понять молодежи и нашим помощникам, что наша жизнь протекает под действием большой любви, которая нам кажется прекрасной и с человеческой точки зрения?

6. Публичное принесение обетов

Эти три аспекта: призыв – ответ - план, присутствие – принятие - выбор, предложение – согласие - завет выражаются в принесении обетов. В нем человек “посвящает себя”, в современном смысле слова, то-есть, предлагает свои услуги, полностью предает себя в распоряжение Божье.

Господь, так же, как и в крещении, посвящает того, кого Дух подвигнул предложить себя Ему, и дарует ему новую благодать, чтобы он шел со Христом в новизне жизни⁴⁸.

Более старые формулы лаконичны и выражают самую суть. Современные же довольно длинны и аналитичны. Однако во всех подчеркивается, что предмет посвящения – это не какие либо вещи, деятельность или моральные обязательства, а человек; что конечная причина – это не какая бы то ни было задача, а воспринятая любовь Божья, и желание соответствовать этой любви; что основные субъекты – это Господь и тот, кто приносит обет: “Боже Отче, Ты освятил меня для Себя. (...)” Я полностью жертвую себя Тебе”⁴⁹.

“Монашеский обет – это символ слияния любви Господа, призывающего ученика, с любовью ученика, ибо он откликается на этот зов, отдавая себя всецело Господу и братьям”⁵⁰. Итак, требования посвящения полны, исключительны и вечны: все, только один, и навсегда. В какой-то период преобладала формула “до смерти”. Это было определение не времени, а интенсивности: вплоть до всеожжения, до конечного уничтожения.

Принесение обетов имеет ни с чем не сравнимую важность в организации и развитии нашей духовной жизни. Это не некий проходящий поступок, а начало связи, которая продолжится всю жизнь, как брачная связь. Из нее должны произойти отношения к жизни, поступки, она должна направить жизнь. Поэтому она оказывается не намерением освящения, договором о

принадлежности какой-либо общине, но прежде всего, источником благодати, как для супругов начальное обязательство о взаимной принадлежности друг другу.

На основе получаемой благодати и на обязательстве соответствовать этой благодати будет строиться жизнь. Во влиянии этой благодати на повседневную жизнь и состоит различие между истинным салезианцем и салезианцем бесцветным. Поэтому крайне уместна непосредственная подготовка, в особенности, перед принесением постоянных обетов. В Конгрегации она теперь практикуется повсеместно. Не следует делать ее “краткой” по времени и по содержанию; нужно точно отобразить ее содержание, так, чтобы в нем освещался и осознавался полученный опыт.

Принесение обетов – это публичное признание Церковью, что Бог вторгся в жизнь человека, что человек желает пережить это событие в христианской общине, и служить Царству, не делая этого лично и слишком интимно. Церковь признает это, и включает его в общение и миссию народа Божьего. Она удостоверяет полученный дар и становится посредницей посвящения⁵¹. Поэтому литургия оценивает принесение обетов особым празднеством: она призывает на людей дар Святого Духа, и присоединяет их пожертвование к жертве Христовой. Присутствие многочисленного количества людей придает этому акту харизматический экклезиальный характер.

Это вмешательство Церкви следует соединить с одним пунктом, неоднократно обсуждавшимся и выстраданным сегодня в некоторых сферах, в особенности с практической точки зрения: необходимость посвященной жизни для качества общения и миссии Церкви. В апостольском увещании мы читаем: “Посвященная жизнь, присутствовавшая с самого начала, всегда должна присутствовать в Церкви, как один из ее основных, неотъемлемых элементов, поскольку он выражает самое ее природу”⁵².

“Однако концепция, что Церковь состоит только из служителей культа и мирян, не соответствует намерениям ее Божественного Основателя, как мы видим в Евангелиях и других источниках Нового Завета”⁵³.

Принесение обетов – это вовсе не какое-то неопределенное обещание любви, понятое и выраженное субъективно, а принятие истинного плана, внушенного Духом, пережитого Основателем вплоть до Его святости, и признанного Церковью, как эффективный путь для *sequela Christi*. Оно возвращает нас к “новой ссылке на Правила”⁵⁴, где обобщаются дух, дисциплина и уже испытанные пути для осуществления замысла.

Забота о духовности весьма характерна для наших дней. Некоторые обращаются к книгам, в которых предлагается и объясняется духовность. В Уставе присутствует духовность, уже обдуманная рядом переживших ее поколений; она великолепно выражена в оригинальных формулах, в которых отражается это долгое переживание. Быстрое прочтение или одно лишь прослушивание текста в общине не показывают его глубины и богатства. “Lectio”, в котором оцениваются все в целом и отдельные выражения, в котором сопоставляется значение этих выражений с историей харизмы и с личной жизнью, поможет нам понять мудрость того пути, который предлагает нам принесение обетов.

Мы знаем, что “Наше живое правило – это Иисус Христос, возвещенный Евангелием Спаситель, Который живет сегодня в Церкви и в мире, и присутствие Которого мы находим в Доне Боско”⁵⁵. Именно поэтому мы принимаем Устав, как завещание Дона Боско... мы обдумываем его в вере и обязуемся воплощать его на практике: для нас, учеников Господних, это путь, ведущий к любви”⁵⁶.

Из всего вышеизложенного видно, что жизнь постепенно все более истинно посвящается посредством призыва Божьего, опыта ощущения Его присутствия, желания ответить на призыв, конкретного жизненного плана, в котором в центре жизни стоит Иисус Христос, и поступок Церкви, включающей все в свое единство и миссию.

Посвящение охватывает всю жизнь и воплощается со все большей глубиной: встреча, завет, договор любви и верности, окончательное единство.

7. Некоторые выводы.

Теперь мы можем вывести некоторые немаловажные заключения для нашего присутствия среди молодежи и мирян.

Посвященные **принимают освящение, как основное намерение жизни**. Это общая для всех видов посвященной жизни черта. В своем стиле жизни, отношений, работы, они хотят пережить и в какой-то форме сообщить тайну Божью, освободителя, близкого нам, посредством “принятия, соразмерного Христу, во всей жизни”⁵⁷. Они хотели бы стать живым воспоминанием о Христе⁵⁸.

В Уставе утверждается, что святость – это драгоценнейший дар, который мы можем преподнести молодежи⁵⁹. Им представляется трудно построить свою человеческую сущность. Станные и противоречивые веяния и намеки доходят до них извне. Им с трудом удается распознать, оценить и в особенности, выбрать нужное и ориентироваться. Обстановка анархии мешает слышать свою совесть, затрудняет отбор моральных критериев.

Столь же нелегко им, находясь в светском контексте, ощутить трансцендентность и поверить, что Христос жив и сегодня, и что Он вовсе не назидательная история, случившаяся когда-то в прошлом. Таким образом, будучи тесно связана с миссией, святость становится основным вкладом монашествующих салезианцев в воспитание и человеческое развитие. Она имеет светскую ценность не только из-за милосердных деяний во имя бедных, но и ради всего кругозора, смысла и того достоинства, которые она вкладывает в человеческое сосуществование.

Из этого ясно, что в жизни посвященных она имеет первостепенную важность. В их общинном жизненном плане обеспечиваются ее основные аспекты в правильной очередности: созерцательный, или молитвенный, духовный; апостольский, жертвенности ради Царства, аскетический, покаянный аспект и исход. Все это переживают в отношениях близости и сотрудничества со Христом под водительством Духа.

Другой вывод связан с предыдущим: посвященные представляются **знатоками опыта Божьего**. Этот опыт лежит у истоков их призвания. Принимаемый ими жизненный план способствует его развитию. Этому опыту отдается предпочтение по времени и виду деятельности. С другой стороны, все христиане должны иметь некоторый опыт Божий, и желают получить его; но они могут уделить ему лишь некоторые моменты, находясь в гораздо менее благоприятных условиях жизни, вследствие чего рискуют пренебречь им.

Посвященные предлагают себя в качестве собеседников всем тем, кто в миру находится в поисках Бога. Тем, кто уже стал христианином, они предлагают возможность пережить вместе с ними обновленный жизненный опыт; с теми же, кто не является верующими, они становятся рядом на пути поисков.

Сегодня это служение оказывается актуальным и нужным. Открытие монастырей тем, кто хочет этим воспользоваться, чтобы провести духовные упражнения, доказывает это. С другой стороны, мы призваны осуществлять такое же служение среди молодежи.

Есть один закон жизни, который можно применять во всех сферах: ни одна ценность не остается жить в обществе, если какая-либо группа людей полностью не посвящает себя тому, чтобы развивать и поддерживать ее. Без врачей и организации больниц оказалось бы невозможным быть здоровыми. Без художников и соответствующих учреждений художественное чутье у людей гаснет. То же происходит с чувством Бога: монашествующие, созерцательного или иного типа, – это та группа мистиков, кто способен помочь, по крайней мере, тем, кто находится рядом с ними, прочесть свою жизнь в свете Абсолюта и получить его опыт.

Все это входит в основные намерения монашеской жизни. Поэтому основатели поставили чувство Бога надо всеми видами деятельности и аспектами их учреждения. И верующие, и неверующие ощущают посредственность монашествующих, как некое уродство. Сами монашествующие чувствуют невосполнимую пустоту, когда исчезает этот аспект.

В апостольском увещании *Vita Consecrata* монашеская жизнь рассматривается, как предпочтительная возможность диалога великих религий⁶⁰, поскольку в ее основе лежит такой выбор, который в общем разделяют все глубоко религиозные люди.

В салезианском Уставе это напоминает статья 62: “В мире, который искушают атеизм и погоня за наслаждением, обладанием и властью, наш образ жизни, особенно в глазах молодежи, служит свидетельством того, что Бог существует и Его любовь может придать жизни полноту”⁶¹.

Этот присущий нам облик проявляется в личном опыте Бога, ставшем осознанным, опыте, который мы ищем, углубляем и который переживаем с взрослой зрелостью. Он проявляется также и в умении приобщить к этому других, особенно молодежь. Они желают пережить несколько духовных моментов, пусть даже как курьез, как скоро проходящее ощущение. Это доказывает посещение домов уединения. Было бы печально, если бы посвященные больше занимались в них администрированием, а не умело руководили духовной жизнью людей.

II. НАШЕ АПОСТОЛЬСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ⁶²

1. Своеобразие “салезианского” посвящения.

Посвященная жизнь своеобразно воплощается в салезианской харизме. Мы уже упоминали об этом вкратце, для связности беседы. Теперь мы остановимся на этом подробнее.

Как говорится в Уставе, наше посвящение – это апостольское посвящение: “Эта миссия придает всей нашей жизни конкретный характер”⁶³. Призыв Божий дошел до нас посредством опыта молодежной миссии; она оказалась для многих той искрой, от которой зажегся огонь следования.

В миссии участвуют, проявляются в их харизматическом своеобразии и возрастают в нас дары посвящения. Существует единое движение милосердной любви, которое привлекает нас к Богу и подвигает к молодежи, особенно беднейшей, которое рождает поступки любви и соответствие Отцу, и заставляет нас предлагать те виды служения, в которых особенно нуждается молодежь.

Точнее сказать, эти два аспекта действуют как бы по кругу: мы созерцаем Бога в Его необходимом присутствии в Его деятельности спасения, обнаруживаем Его в событиях, понимаем Его чувства и Его деятельность в свете образа Доброго Пастыря, Кто ищет людей и отдает Свою жизнь на Кресте. Мы переживаем воспитательную работу с молодежью, как деяние культа и возможность встречи с Богом.

Если бы один из этих аспектов отсутствовал или ослабел, то наш радостный воспитательный опыт, наш план духовной жизни обесцветился бы. Одним словом, типичная для нашего посвящения благодать стала бы чересчур неопределенной, наша харизма обесценилась бы.

Наша духовность и в самом деле имеет в основном деятельную направленность. Действительно, “трудясь во имя спасения молодежи, салезианец переживает опыт Божественного отцовства, и постоянно оживляет божественный аспект своей деятельности”⁶⁴.

Da mihi animas, апостольскую духовность, пастырскую любовь, ораториальное сердце — все эти слова показывают, насколько оригинальной и единой мы хотим видеть нашу жизнь. Для нас верно то, что говорится в *Vita Consecrata* о всех посвященных в общем: “в их призвание включается задача полностью посвятить себя миссии”⁶⁵, так же, как верно то, что в выполнении нашей миссии мы находим смысл, мотивировки и стимулы, помогающие нам глубоко переживать ту Божью любовь, ибо “Он упреждает каждое творение Своим Провидением, сопровождает его Своим присутствием и Спасает, даруя жизнь”⁶⁶.

Следует подчеркнуть, что наша миссия сосредоточивается в молодежной сфере и следует по пути воспитания. В таких координатах проявляется наша харизма, в них мы по-прежнему находим тайну нашей возможной жизнеспособности. Здесь сегодня есть обширное поле творческой деятельности, как в отношении приложения сил, так и в новом формулировании содержания и в обновлении действия.

Итак, мы вовсе не хотим провести какой-либо раздел между духовностью и пастырскими заботами, между монашеским духом и задачами воспитания. Мы отнюдь не прибегаем к тем формам жизни, которые бы не отвечали трем ключевым словам Дона Боско: *труд, молитва, умеренность*.

Однако здесь нужно некоторое разъяснение, и я не стану задерживаться на нем слишком долго, поскольку считаю его самим собою разумеющимся: миссия не заключается в исполняемой профессиональной работе. Монашествующий или монахиня являются воспитателями со всеми прочими, но не как все прочие. И миссия – это не только пастырское служение, которое они намерены осуществить. Это – духовный опыт: чувствовать себя соратником Божьим, знать, что ты послан Им через те виды посредничества, в которых мы видим выражение Его воли, прежде всего, через принесение обетов, в котором мы выразили наше намерение следовать Его вызову, соединиться с Ним в Его деятельности ради всего мира и каждого отдельного человека.

Цели миссии выходят за рамки даже тех оптимальных результатов, которые можно получить при профессиональной работе. Они заключаются в том, чтобы жить, свидетельствовать и возвещать Царство Божье: возможность жизни для всех, в особенности, для беднейших, откровение, что Бог питает любовь к каждому человеку, смысл жизни. Путями и орудием для достижения этих целей служат тот тип жизни, который мы выбрали, а также выполняемая нами работа.

Такова канва рассказа Дона Боско о своей жизни в Воспоминаниях об Оратории, начиная с периода своего первого сна: “Господь послал меня ради молодежи, поэтому мне следует отказаться от посторонних этому делу, и сохранить здоровье ради них”⁶⁷. Это постоянное убеждение, все более углублявшееся в нем, по мере того, как проходит жизнь и события все усложняются. “Убежденность, что на него давит совершенно особым образом божественное, пронизывает всю жизнь Дона Боско, на нем основываются все его самые дерзновенные решения,

оно проступает в самых необычных его поступках. Вера в то, что Господь воспользовался им ради совершенно необычной миссии, была в нем очень глубокой и прочной. На этом основывалось его характерное поведение монашествующего, как библейского раба, как пророка, который не может уйти от Божьей воли”⁶⁸.

Таков “духовный и конечный аспект” миссии, отличающий посланного от компетентного и сознательного функционера, от убежденного профессионала, удовлетворенного своей профессией, и он-то и находится в основе отношений, формирующих апостольскую духовность. Он освобождает нас от чрезмерного желания удовлетворения, успеха, от желания, порою бессознательного, самоутверждения, от индивидуализма. Он делает нас внимательными к основным аспектам нашего труда, и внушает чувство спокойного доверия.

2. “Посвященная” необычность нашей апостольской миссии.

Многие участвуют в апостольском служении, в частности, в служении воспитания молодежи. Немалое число людей проводит это служение сегодня в салезианском духе.

Однако миссия монашествующих отличается некоторыми собственными для нее основными чертами, а поэтому их служение представляется определяющим в еkkлезиальном единстве и отличается от сходной работы по экономическим соображениям, выполняемой в других условиях жизни.

Интересно обдумать это утверждение, поскольку оно непосредственно касается нас: как воспитатели, мы выполняем все, что делает и другой компетентный воспитатель- христианин; как священники, мы делаем все, что делает епархиальный священник. Если угодно, нас поддерживает пастырская практика и особая духовность. Но миссию осуществляют скорее жизнью, чем работой, особенно сегодня, когда общее мнение воспринимает труд, как средство, не придавая ему того смысла, который придается жизни.

Характерный элемент миссии посвященных – это именно выбор жизни не только, как источника энергии для работы, но так, чтобы она сама стала полным глубоким смысла служением. “Сама посвященная жизнь, под действием Святого Духа, руководящего всяким призванием и любой харизмой, становится миссией, так же, как ею стала вся жизнь Иисуса”⁶⁹.

Прежде всего, и более, чем в какой-либо деятельности, миссия посвященной жизни заключается в форме жизни, в способе жизни особым образом в Церкви и в мире, в том, какое место в ней занимает Бог. Другими словами, посвященную жизнь выбирают не только для того, чтобы делать хорошие дела с точки зрения развития жизни или даже с религиозной точки зрения, поскольку сегодня их можно делать также и по другому, а потому, что ощущают и хотят показать присутствие Божье в истории и в жизни, а тех областях и посредством тех принципов, которые заключает собственное призвание.

В апостольском увещании *Vita Consecrata* развиваются мотивы этого утверждения. Принимая “Христову форму жизни”, посвященные своей жизнью указывают на событие Иисуса для христианской общины и для тех, кто в миру задается хотя бы некоторыми, пусть не слишком серьезными, вопросами. Монашеский аспект, который они выражают в концентрированном виде, напоминает о необходимости *reditus ad Deum*, возвратиться к Богу хотя бы мысленно.

В этом смысле посвященные уже представляют собою весть, смысл и служение. Они могут сказать человеку нечто, напоминая собою то, что в Писании называется “сердцем”, а именно, внутренний мир, совесть, духовность.

В тех сферах, где все более принимаются во внимание лишь материальные условия жизни, даже при наличии благого намерения изменить их, посвященная жизнь напоминает о необходимости считаться с другим аспектом, без которого любой внешний прогресс, при всем том, что он необходим и желателен, может оказаться совершенно недостаточным.

Личная и коллективная жизнь опирается на сочетании всеми принимаемых ценностей: уважение к другим, труд, здоровье, честность, общественная ответственность. Называя их сочетанием, мы указываем, что между ними существует организация и некая иерархия, за счет чего их можно рассматривать, как определенную систему. Каждый человек делает основной упор на тех, которые он предпочитает, и в соответствии с этим, организует все остальное.

Посвященные делают упор на религиозной ценности и исповедании Христа, и исходя из этого, организуют прочие ценности, считая, что первая является центром всего, что они делают, и оправдывает все.

Таким образом они берутся за воспитание, уход за больными, проводят исследования. Посвященным открыта любая область человеческой деятельности, если мотивировка и

направление их свойственны для тех, чей главный выбор – Бог. Если же какой-либо другой аспект преобладает, а религиозный дух остается как бы за рамками, это кажется ненормальным.

Миссия монашествующих стимулировать и поддерживать всех тех, кто, пусть независимо от веры, подвизается на благо других. Я думаю о молодежи, даже неверующей, кто приходит к нам, чтобы участвовать в наших инициативах, поскольку их привлекает наш тип жизни. Для тех, кто уже переживает веру, свидетельство посвященных определяет преданность братьям и сестрам, напоминая, что в деле спасения все идет от полученной, пережитой и дарованной божественной любви.

И, наконец, подчеркнем перспективу *за*; это служение видения и надежды относительно того, что за пределами земной жизни. речь идет о том, чтобы переживать стремление Церкви к полноте жизни, желание отечества, наполняющее сердце христианина, ожидание пришествия и встречи с Господом, - а это и есть основное содержание веры; и открыть двери к запредельному для всех.

“В таком случае, можно сказать, что посвященный выполняет “миссию” именно благодаря своему посвящению, которое свидетельствует план его института”⁷⁰. Это основной аспект миссии. По-видимому, можно сделать вывод, что пастырская, воспитательная, организующая деятельность, если в ней не выражается радикальный жизненный выбор вослед Христу, не может сформировать истинную миссию монашествующего. И, с другой стороны, если ее принимают в свете посвящения, она эффективно выражает его, и в некоторых условиях способствует появлению необычной силы милосердной любви и имеет особенно выразительный смысл.

3. Служение и пророчество.

“Когда харизма, лежащая в основе института, предусматривает пастырскую деятельность, очевидно, что столь же необходимы свидетельство жизни и деятельности апостольского служения, а также служения, организующего человеческое развитие: и то, и другое представляют Христа, поскольку Он в одно и то же время посвящен во славу Отца и послан в мир ради спасения братьев”⁷¹.

Мы упоминали, что в некоторых условиях наш воспитательно –пастырский труд способствует появлению необычайной силы любви и имеет особо выразительный смысл.

Первое из этих условий – пророческий характер. Он всегда присущ всей Церкви; но сегодня он представляется безотлагательным и особенно показан монашествующим. Они выражают знак и предложение направления, а не только удовлетворяют человеческой необходимости. Монашествующие не дополняют то, что должны делать другие, а предлагают то, что им свойственно: Евангелие. Иисус совершает исцеления, но также и “открывает новые аспекты жизни”, “открывает людей Божьим горизонтам”, говорит фразы и совершает поступки “непонятные” и “смелые”, в данный момент кажущиеся бесполезными и небезупречными. На самом же деле, Его поступки устанавливают новые критерии существования.

Этому аспекту в апостольском увещании посвящено десять пунктов в рамках статьи о миссии⁷². Значит, нам предлагается критерий для постановки работы или нашей деятельности.

В нашем мире, отмеченным знаком общения, суметь передать смысл кажется одним из основных элементов пастырской деятельности. Ведь важно не только то, что воплощается материально, но и то, что поднимается или просыпается, то, на что намекают, чтобы начать обсуждение этих проблем, то, что видится мельком, встающие проблемы. Говорилось, что посвященная жизнь не только должна ответить на проблемы, но и сама бросить новый вызов: вызов “ограниченности”, желанию обладать, поискам мимолетных наслаждений. Интересно читать знаки времени, но следует писать новые знаки. Нужно начать диалог с господствующим сегодня мировоззрением, но нужно также внести в него элементы, не укладывающиеся в его логику.

Не следует смешивать пророческий аспект просто с критикой всего и вся, в частности, в рамках христианской общины, с театральностью жестов, которые сегодня можно без труда усилить средствами общественной связи, с театральностью. Безусловно, пророчество включает новизну, происходит разрыв с уже усвоенным, преодолеваются непосредственные модели видения, ограниченные по отношению к *за*, подтверждается малое, скрытое, но истинное, как это сделал Иисус, говоря о лепте вдовицы; принимается то повседневное, что плодотворно.

Из истории народа Божьего мы видим, каковы функции пророчества и пророков. Они не далеки от наших потребностей и от нашего опыта: пророчество напоминает, поднимает вопросы, указывает направление, истолковывает события, укрепляет и поддерживает, вселяет надежду, призывает к мудрости и обращению.

Нелегкое ремесло – быть пророками; поэтому те, кто пробует заняться этим из тщеславия, несерьезно, в конце концов, падают духом или отступают на совсем другие позиции.

Илия предстает, как образец пророка. О нем сказано: “Он жил в присутствии (Божьем) и молча созерцал, как Он идет: он вступался за народ и мужественно провозглашал Его волю, защищал права Божьи и восставал против сильных мира сего” (*ср. I Царств, 18-19*)⁷³.

Проблема для монашествующих, и среди них, для салезианцев, заключается в том, как эффективно выразить этот аспект. Для этого требуется принять смысл, жизненный стиль и инициативы в исторический момент. Пророки говорили в рамках своего общества и событий, выходя за их пределы, но не игнорируя их и не уменьшая их значения. Требуется также, чтобы весть была истинной, а знаки и слова – понятными.

Одна из основных трудностей посвященной жизни в условиях сегодняшнего мира – это ощущение культурной чуждости. Оно может ослабить пророческий порыв и привести к разочарованию, покорности, унынию, желанию спрятаться и даже оставить все.

Поэтому среди многих интересных и зачастую необычных указаний, имеющих в этой части апостольского увещания и в других местах, особое внимание следует обратить на “большую заботу о культуре”. Посвященная жизнь должна растормошить этот мир, отдаляющийся от Евангелия: только в этом случае она станет пророческой. А для этого она должна уметь читать, оценивать, принимать, придавать другое значение и отвергать культурные “течения” или “моды” не только в их проявлениях, а глубоко.

Имея в виду три элемента посвящения, можно предложить некоторые пути пророчества. *Специфическая* миссия оказывается пророческой, когда она планирует и осуществляет другой, “более евангельский” способ решения проблем типичной сферы своей деятельности. Стало быть, это не только помощь, благодеяние или попросту уход.

В этом смысле мы должны спросить себя, что именно следует сегодня вкладывать в воспитание и в наше присутствие среди молодежи, для того, чтобы воплотить то же влияние новизны в выражении любви, какая была и у Дона Боско его контексте.

Пророческое свидетельство требует не только преданности и компетентности в своем труде, но также и обязывает мыслить творчески и мотивировать в культурном плане новые, более евангельские принципы присутствия и деятельности, чтобы Евангелие могло быть закваской в любой ситуации.

Из *радикального следования за Христом* должно вытекать распознавание существующих ценностей и предложение, которое представляло бы собою альтернативный тип воспитания.

Можно указать один момент, который ставит под вопрос некоторые направления или преувеличения нашего общества. Это требует проявлять евангельскую бдительность и стойкость. Он включает откровенную критику выпячивания сексуального инстинкта, оторванного от какой бы то ни было моральной нормы, “культуры нарушения” которая приводит к настоящим отклонениям. Это и стремление получить деньги любой ценой (подумайте о чудовищных случаях эксплуатации!), что приводит к социальной бесчувственности и практически, бедняки брошены на волю судеб как правительством, так и общественным мнением. И, наконец, речь идет о чрезмерном, граничащем с ненормальностью стремлении преуспеть, пробиться любой ценой, придти к власти.

Однако отвергнуть все это – недостаточно, тем более, если это проявляется, как фундаменталистское осуждение. Своей реализовавшейся, спокойной жизнью, серьезным размышлением по поводу культуры, посвященный предлагает те блага, обладая которыми, человек может быть счастлив, а также предлагает мудрость Евангелия. Мы делаем это путем направления и содержания воспитания, которые мы сами принимаем.

В связи с этим, интересно следующее утверждение: “Те, кто следует евангельским советам, ищут святости для себя самих, и в то же время, предлагают *духовную терапию* человечеству, поскольку они не преклоняются перед тварью и неким образом показывают живого Бога”⁷⁴. Это терапия неутолимого желания, пустоты, поисков сиюминутного, эгоизма.

Внимание, размышление, способность истолкования, диалог: из всего этого должно возникнуть умение и желание вступить в общение и сопоставить себя с “мирской” культурой, если правда то, что Евангелие обогащает человека, и чем больше приближаешься ко Христу, тем более становишься человеком⁷⁵.

Братская жизнь в общине становится пророческой, когда она способствует совершенствованию критического отношения к индивидуализму. Посредством ее мы

присоединяемся к тем, кто разрабатывает “культуру солидарности” внося наш вклад опыта и размышления. Это особенно поражает в том случае, когда, как упоминалось в предыдущем письме, приводит к расширению единства и духа примирения, побуждает нас принять самых нуждающихся и обмениваться дарами нашей харизмы в воспитательной общине.

4. Множество даров нашей посвященной общины.

Еще один необычный вклад, который может внести наш опыт посвященных, если мы переживаем его глубоко и ясно выражаем в воспитательной работе, возникает из той формы, которую принимает наша община. В ней имеются личные дары и харизмы, принимаемые в посвящении, которое придает им новую символичность. Имеются задачи, истолковываемые и переживаемые в свете посвящения.

Салезианскую общину особенно обогащает выразительное и дополняющее присутствие салезианца-пресвитера и салезианца-коадьютора⁷⁶. Они вместе формируют необычную полноту сил ради свидетельства и воспитательной миссии.

Мы можем спросить себя, что выявляют фигуры салезианца-коадьютора и салезианца-пресвитера в опыте и свидетельстве апостольского посвящения, что именно усиливает в “посвящении” мирской аспект, и что именно дает “посвящение” “мирскому аспекту”, когда то и другое формирует и как бы сливает салезианский дух. Так же точно мы можем спросить себя, что именно усиливает в салезианском посвящении пресвитерский аспект, и что именно дает оно священнику.

Необычная ценность заключается не в видимом добавлении качества или категорий членов, а в той физиономии, которую имеет салезианская община.

В салезианце-коадьюторе “объединились дары посвященного и мирянина”⁷⁷. Он переживает мирской аспект не в мирских условиях, а в условиях посвященной жизни. Он переживает свое призвание мирянина, как монашествующий салезианец, и переживает свое общинное призвание монашествующего-салезианца, как мирянин⁷⁸.

“Посвященным братьям он напоминает о ценностях творения и о светских реалиях; для мирян же он становится как бы символом совершенной преданности Богу во имя Царства Небесного. И, наконец, все видят в нем особую восприимчивость к трудовому миру, внимание к местности, где живет община, требовательность профессионализма, и через все это проходит его пастырская и воспитательная деятельность”⁷⁹.

Технический профессионализм, светские области труда, практические формы вмешательства показывают в нем свое основное направление на конечное благо людей, в особенности, молодежи, и на Царство. “Все открыто ему, даже то, чего священники не могут делать”; но все находится в свете радикальной любви ко Христу, сконцентрировано на евангелизации и на вечном спасении молодежи.

“Присутствие салезианца-коадьютора обогащает апостольскую деятельность общины. Она напоминает салезианцам-пресвитерам о ценностях мирской монашеской жизни, и постоянно призывает их к живому сотрудничеству с мирянами, напоминает салезианцу-священнику очень конкретное и сложное видение и апостольские заботы, которые выходят за рамки пресвитерской и катехизаторской деятельности в узком смысле слова”⁸⁰.

Стиль посвящения салезианца-коадьютора конкретно возвещает присутствие и общение Бога в повседневном, важность прежде стать учениками, и лишь затем – наставниками. Кoadьютор напоминает о долге свидетельствовать личный опыт веры, который выходит за рамки функциональных забот или священнослужения.

Некоторые отношения, которые у священника кажутся самими собою разумеющимися, поскольку считается, что они присущи его “ремеслу”, производят более сильное впечатление, если их обнаруживают у монашествующего мирянина.

Фигура **салезианца-священника** объединяет в себе дары посвящения и дары пастырского служения. Священничество оригинальным образом воплощается в нем, поскольку оно возникает именно из взаимного внутреннего соотношения этих даров и плодотворного слияния с апостольским салезианским посвящением.

В еkkлезиальных размышлениях подчеркивается, что священство не имеет общего характера, ни как исполнение литургических обязанностей, ни как благодать. Его практика и его духовность формируются в соответствии с тем, на кого направлено призвание субъекта.

Совершенно правы были те, кто выдумал название для биографии Дона Боско: “Священник – воспитатель”, или “Священник для молодежи”. Из харизмы возник особый принцип жизни священника и несения им своих обязанностей.

Священник – это сакраментальный посредник Христа. Ему уподобляется салезианец в пастырской любви и в желании “спасти” молодежь в контексте воспитания. Его слово не только напоминает о слове Иисуса, но и разделяет это слово. В воспитательной сфере применение слова связано с ситуациями, обстоятельствами, темами и формами “sui generis”. Это и проповедь, и личный дружеский диалог, и катехизация, и школа. Священник встает на кафедру или трудится во дворе. Слово принимает форму проповеди, приветствия или совета. Оно освещает молодежные ситуации и исцеляет их раны.

Деятельность координирования и воодушевления салезианского священника – это участие в пастырской деятельности Иисуса и Церкви. В этой деятельности наличествует их благодать с тем, чтобы объединить общину и направить ее к Отцу. В воспитательной сфере и общине эта деятельность отличается типичными требованиями, целями и принципами.

И служение освящения в воспитательной сфере, с беднейшими и нуждающимися юношами и помощниками идет своими неповторимыми путями, самый знаменательный и плодотворный момент которых заключается в таинствах, однако не ограничивается только ими, а освящается, направляя всю свою жизнь во Христе.

В салезианской общине клирики и миряне строят и свидетельствуют об образцовом братстве ради устранения расстояний, основанных на ролях и видах служения, ради возможности свести все различные дары вместе, в единый план. Взаимные отношения являются источником взаимного обогащения и стимулируют гармоничный опыт, в котором священство не затмевает монашескую сущность, а мирская характеристика не скрывает радикальность посвящения. Все это служит как бы противовесом клерикализации монашествующего-священника, которая чувствуется в некоторых слоях посвященной жизни, или секуляризации монашествующего-мирянина.

Мы должны проявить особое внимание, стимулируя священников чувствовать историко-мировую аспекты Церкви и спасения, и способствовать получению не какого-либо неопределенного опыта коадьюторами, а опыта, питаемого пастырской любовью. Таким образом благодать единства проявится в жизни каждого собрата, в облике общины и в выполнении миссии.

В Конгрегации имеется чуть более 11.000 священников, и всех их воздвиг Бог воспитателями молодежи. Что случилось бы, если бы все мы обновили и интенсивно воплотили бы наше “типичное” священство? И говоря это, я вовсе не имею в виду, что мы должны брать на себя какие-либо священнические обязанности за пределами порученной нам области. Я хочу сказать, что следует употребить все имеющиеся у священника возможности в молодежной сфере и в воспитательной общине.

Также и количество посвященных мирян отнюдь не малое: около 2.500 человек. Сколь сильно может повлиять на молодежь и воспитателей их мирской аспект, переживаемый в свете любви к Богу и братьям? Их выразительное и достоверное присутствие показывает молодежи ценности следования за Христом и ученичества, которые они часто отождествляют лишь со священством. “Оно предлагает тем, кто не чувствует себя призванным к посвященной жизни, более близкий образец христианской жизни, освящения труда, мирского апостольства. Оно обеспечивает особое апостольское воплощение салезианской общины в миру и особое присутствие в миссии Церкви”⁸¹.

5. Некоторые выводы.

Вышесказанное можно практически применять в трех сферах. Я упомяну их в общем виде, чтобы дать повод для дальнейших размышлений.

Первое - наша **монашеская община**. Знаки sequela Christi должны быть очевидными, их следует прочесть в том, что первенство уделяется монашескому духу и духовной жизни. Они проявляются в спокойной, регулярной общей молитве. Сегодня, как говорилось выше, монастыри приглашают католиков и безразличных получить опыт молитвы. Для Дона Боско и его салезианцев было характерно молиться с молодежью и народом. Было бы интересно, чтобы наша молитва была воспитательной в такой степени, чтобы в некоторых обстоятельствах в ней могли участвовать те, кто хочет.

Посвящение проявляется также в самозабвенной организованной, подготовленной работе, которая выполняется тщательно. На меня произвела большое впечатление следующая фраза в правилах одного монашеского института по поводу работы: “Это является повинованием и

продолжает Евхаристию и литургию Часов и обычную нашу жертву; стало быть, ее следует заранее назначить, сохранять и исполнять с монашеским усердием”⁸².

Посвящение проявляется также в евангельской умеренности. Сегодня из уст многих слышатся просьбы вернуться к ежедневной строгости нравов в противовес все расширяющемуся потребительству, неравенству и расточительству. Умеренность охватывает все видимые проявления обетов. Прежде всего, посвящение расцветает в единстве духа и деятельности: это тот знак, который Сам Иисус советовал Своим ученикам, и что Дон Боско более всего желал видеть в своих общинах.

Еще одна сфера приложения даров посвящения - **воспитательно-пастырская община**. В ней они подчеркивают первенствующее положение духовности, как основной силы воспитателя. Мы часто говорим, что Упреждающая Система - это духовность и педагогика, и что связь между ними такова, что невозможно осуществить последнюю, если не принимается также и первая. Это убеждение согласуется с утверждением Дона Боско: “Воплощение этой системы целиком основывается на словах апостола Павла: *Любовь долготерпит, милосердствует;...все переносит, всего надеется и все покрывает*”⁸³. Упреждающая Система, как утверждается на 24 ГК⁸⁴, 100 и в др. местах), имеет религиозный дух. Это педагогика Духа. Следует максимально использовать гуманистический и профессиональный аспект. При этом она должна быть полностью построена на направленности к Богу и вере.

Третья сфера, в которой чувствуется посвящение, - **сфера воспитания**. Следует принять многое из того, что говорилось по поводу пророчества. Через слова и примеры молодежь может видеть в нашей жизни критику и указание: критику крайностей мышления, основанного на разрушении, критику погони за обладанием, вызывающем нищету, критику бесцельной свободы; весть о новых, необычных формах реализации человека, о истинных благах, предлагаемых евангельскими блаженствами, и самопожертвовании, как жизненной пружине.

Самое четкое проявление нашего присутствия посвященных в воспитательных сферах - это их пастырская закваска. С самого начала воспитатель стремится открыть молодежи любовь Божью, какой бы ни была отправная точка и какие бы пути ни предлагалось пройти. Он осуществляет это, открывая вере, подготавливая молодежь ко встрече с живым Христом, идя путем роста через катехизацию, таинства, участие в Церкви. Нейтральное воспитание, без упоминания о Христе, не может иметь для нас смысла. Стало быть, посвящение призывает нас переосмыслить этот аспект и *осуществлять евангелизацию, воспитывая*.

6. Руководитель посвященной общины.

За развитие даров посвящения и передача его богатства воспитательной общине ответственна вся община. Воодушевление этой общины тоже осуществляется совместно, однако директор является в ней точкой отсчета и основным ответственным лицом. Он является одновременно настоятелем монашествующих, руководителем апостольского центра и духовным отцом общины.

Было проведено много размышлений по поводу его фигуры и его роли, и не без причины, поскольку в общинах и в управлении центрами прошли некоторые изменения. Фигура и роль его созрели в самом Доне Боско, поскольку он в течение долгого времени и в самый творческий период своей жизни был директором. Прежде всего, вспоминают заботу нашего Отца о духовном благе, доброту, на которой строились все его отношения, его мудрость в ориентировании отдельных лиц и группы. Это триединство отличало его отцовство, которое проявлялось в разнообразных отношениях и поступках.

Вполне правомерно, что в документе II Direttore Salesiano указывают, что первая задача директора - “пробудить у отдельных собратьев сознание того, кем они являются; выявить способности и харизмы; помочь им сохранять дух жизни в Боге; (...) другими словами, создать соответствующую атмосферу и условия, чтобы каждый салезианец, повинувшись благодати, мог совершенствоваться в своем призвании и осуществить полноту “единения с Богом”, столь характерную для Дона Боско. Все это предполагает технические способности организатора и руководителя; но еще более предполагает наличие духа, более того, искусства духовности”⁸⁵.

На последних капитулах подчеркивалось “духовное” воодушевление, которое может воспроизвести в форме контекста, мотивы нашей жизни, чтобы способствовать все более сознательному и полному ответу Господу. Сегодняшнее положение наших общин, их роль в новой рабочей модели, необходимость воодушевлять общину посвященных, положение местной общины, как места непрерывного формирования, требуют от настоятеля поставить на первое место некоторые аспекты его служения. Они перечислены в нашем пособии, но в данном случае,

неплохо перечитать их также и в текстах Синода: “Руководителя общины прежде всего следует считать наставником духа, поскольку, выполняя свои задачи или наставляя, он осуществляет истинное духовное руководство общины, авторитетно наставляет во имя Христа, в соответствии с харизмой института. Он служит Богу в той мере, в которой развивает подлинность общинной жизни и служит братьям, помогая им осуществлять их призвание в истине”⁸⁶.

Следует признать, что в данном смысле в Конгрегации имеются некоторые положительные знаки, например, готовность принять на себя ответственность руководства зачастую в условиях недостатка персонала, непрерывное формирование, которое происходит почти повсюду, внимание к проявлению братского единства, интерес к пониманию возможных принципов духовного руководства.

Повторяя пункты, упомянутые в первой части этого письма, я должен просить директоров воодушевлять посвящение, пробуждая в собратах счастливый опыт призвания, подчеркивая инициативу Божью в жизни и деятельности общины, предлагая различные аспекты плана и углубляя смысл принесения обетов.

Следует сохранять некоторые моменты и виды деятельности, чтобы во всех общинах присутствовало Слово, молитвенная встреча, братство в опыте посвящения, совместная ответственность в свидетельстве и общинном действии.

Я напоминаю о пользе распознавания, ведущем, в духе искренности и покаяния⁸⁷, к поиску воли Божьей в тех вопросах, которые касаются апостольского замысла⁸⁸, жизни общины⁸⁹, даров и способностей братьев⁹⁰, разъяснение призвания⁹¹ и тенденции культуры.

По нашей традиции, как сказано в Уставе, “общиной руководит член - священник, который, по благодати пресвитерского служения и пастырского опыта, поддерживает и направляет дух и деятельность братьев”⁹².

Речь идет не только о юридических требованиях, но и о сущности, принципах и путях служения власти директора. Требуется, чтобы он вложил в него все дары и силы своего священства, чтобы он вдохновлял, как священник, а не только методически. Для общины и для своей среды воспитания он должен стать сакраментальным посредником Христа. Монашеская община и воспитательная среда - вот на какое поле Господь призывает его к плодотворному священническому служению.

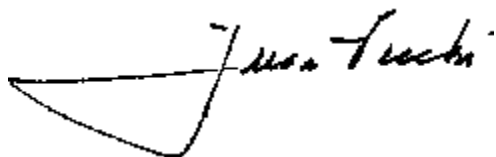
* * *

Каждый день, в заключение размышления, мы вновь поручаем себя Мадонне, призывая Ее в двух ипостасях, суммирующих салезианскую историю и духовность: *Непорочная и Помощница Христиан*. Эту традицию мы сохраняем с любовной привязанностью и преданностью.

Я хочу вновь прочесть молитву посвящения, духовно объединяясь с вами, в заключение этих размышлений.

В Уставе приводится духовная традиция; в этом образе Девы Марии видят представление нашего апостольского посвящения: “Непорочная Дева Мария Помощница Христиан воспитывает в нас полноту жертвенности Господу и вливает в нас мужество в служении братьям”⁹³. Эти два аспекта сливаются в едином движении любви.

Да наставит она нас пережить в наше время безусловное следование Христу и усердное служение, ибо в нем Она является Наставницей и примером⁹⁴, и передать молодежи радость, переживаемую при следовании Христу.

¹ Ср. Уст. 3

² Ср. ГК 24, 54

³ Ср. там же

⁴ Ср. ГК 24, 88

⁵ Ср. ГК 24, 152

⁶ ГК 24, 45

⁷ Ср. ГК 24, 140

⁸ Ср. ГК 24, 45

- ⁹ Ср. ГК 24, 102
¹⁰ Ср. ГК 24, 45
¹¹ Ср. ГК 24, 88
¹² Ср. ГК 24, 109-110
¹³ Ср. ГК 24, 167
¹⁴ там же
¹⁵ ГК 24, 150
¹⁶ ГК 24, 155
¹⁷ ГК 24, 167
¹⁸ ДГС 363
¹⁹ Ср. Приложение ДГС 358, стр. 16 (Стратегии №32, Вмешательство № 34)
²⁰ Elementi essenziali dell'insegnamento della Chiesa sulla vita religiosa, 5
²¹ RD, 7
²² VC, 72
²³ Уст. 3
²⁴ там же
²⁵ Elementi essenziali dell'insegnamento della Chiesa sulla vita religiosa, III, 4
²⁶ VC, 17
²⁷ VC, 15
²⁸ там же
²⁹ ср. VC, 14
³⁰ ср. там же
³¹ Флп 3, 12
³² Иер 20, 7-9
³³ Иоанн Павел II, *Послание на Конгресс молодых монашествующих VIDIMUS DOMINUM, 29.09.1997*
³⁴ Ис 43, 1
³⁵ Еф 1,4
³⁶ Ср. Амос 1,1
³⁷ VC, 17
³⁸ VC, 18
³⁹ VC, 19
⁴⁰ Деян 17, 28
⁴¹ ср. Пе 62, 2
⁴² Пс 16, 5
⁴³ Уст. 50
⁴⁴ Ин 15, 14
⁴⁵ Ин 1, 38
⁴⁶ VC, 16
⁴⁷ там же
⁴⁸ ср. RD, 7
⁴⁹ Уст. 24
⁵⁰ Уст. 23
⁵¹ Ср. Elementi essenziali dell'insegnamento della Chiesa sulla vita religiosa I, 8
⁵² VC, 29
⁵³ там же
⁵⁴ VC, 37
⁵⁵ Уст. 196
⁵⁶ там же
⁵⁷ VC, 16
⁵⁸ ср. VC, 22
⁵⁹ ср. Уст. 25
⁶⁰ ср. VC, 101-102
⁶¹ Уст. 62
⁶² ср. Уст. 3
⁶³ Уст. 3
⁶⁴ Уст. 12
⁶⁵ VC, 72
⁶⁶ Уст. 20
⁶⁷ MB VII, стр. 291
⁶⁸ Stella P., *Don Bosco nella storia della religiosita' cattolica. Tom II, стр. 32*
⁶⁹ VC, 72
⁷⁰ VC, 72
⁷¹ там же
⁷² ср. VC, 84 – 93
⁷³ VC, 84

⁷⁴ VC, 87

⁷⁵ ср. ПН № 41

⁷⁶ ср. ГК 24 174; Уст. 45

⁷⁷ ГК 24, 154; ср. 236

⁷⁸ Ср. Il Salesiano Coadiutore, Рим 1989, стр. 107-108

⁷⁹ ГК 24, 154

⁸⁰ Il Salesiano Coadiutore, стр. 116

⁸¹ Il Salesiano Coadiutore, стр. 116; ср. ДГК 21, 195

⁸² Piccola Famiglia dell'Annunziata, Documenti, 10/25

⁸³ Дон Боско, Упреждающая система в воспитании молодежи, 2; ср. Устав SDB, написанный Доном Боско, стр. 238

⁸⁴ ср. 24 ГК

⁸⁵ Il Direttore Salesiano, Рим 1986, № 105

⁸⁶ Посвященная жизнь и ее миссия в Церкви и в мире, Instrumentum laboris, 59

⁸⁷ ср. Уст. 91

⁸⁸ ср. Уст. 44

⁸⁹ ср. Уст. 66

⁹⁰ ср. Уст. 69

⁹¹ ср. Уст. 107

⁹² Уст. 121

⁹³ Уст. 92

⁹⁴ ср. VC, 28

ОБЛАСТНОЙ ДИРЕКТОРИЙ

Дон Люк ВАН ЛООЙ

Викарий Генерального Настоятеля

1998 год почти во всех областях и визитаториях отмечен событием Областных Капитулов. Это доказывает также и тот факт, что на пленарной сессии Генерального Совета в июне-июле 1998 года Генеральный Настоятель вместе со своим Советом рассмотрел и одобрил 39 документов капитулов и сделал к ним ряд замечаний. Другие же документы все еще поступают и будут рассмотрены на пленарной сессии в декабре 1998 – январе 1999 года.

Как указывают правила, области воспользовались этим поводом, чтобы проверить, каким образом миряне включаются в салезианскую миссию, проводя в действие, таким образом, решения 24 ГК. Кроме того, были также рассмотрены некоторые особые ситуации и безотлагательные вопросы областной жизни и миссии. Только в некоторых областях “в случае необходимости и с целью разрешения особых вопросов”, как было сказано в указаниях в 361 выпуске Документов Генерального Совета, был проведен пересмотр *областного директория*.

Одобрение Капитулов Генеральным Настоятелем относится прежде всего к тем указаниям, которые становятся обязательными для областей, в применение Устава, Общих Правил или направлений Генерального Капитула, исходя непосредственно из контекста конкретной области. Имеются в виду решения капитулов и нормы областного директория, являющиеся частью собственного права области.

Как известно, *Областной Капитул* – это представительное собрание собратьев и общин области (ср. Уст. 170), обладающее особой властью (его наделяет этой властью Устав) с целью дать направления и установить нормы салезианской жизни и миссии в области, основываясь на принципе вспомогательности. Как известно, исходя из норм 124 статьи Устава, вышестоящая власть «оставляет нижестоящим органам то, что они могут решить в пределах соответствующих полномочий».

По норме Конституций, таким образом, посредством общих размышлений и консенсуса, выраженного в голосовании, Областной Капитул может давать указания и устанавливать рабочие направления, которые после одобрения Генерального Настоятеля и его Совета приобретают силу закона.

Однако следует сказать, что не все решения Капитула входят в директорий. В него входят только те решения, которые имеют непреходящий нормативный характер, Они должны на

протяжении долгого срока постоянно воздействовать на жизнь и миссию областной общины и таким образом войти в частный свод законов области, если будет позволено назвать его так. Именно Областной Капитул решает, какие решения входят в директорий, учитывая при этом, что по многим позициям в Общих Правилах указывается, что области обязаны установить нормы и включить их в директорий. Исходя из этого, ясно, что эти нормативы обязательно должны войти в областной директорий.

Проведение Областного Капитула раз в три года дает возможность проверить и осовременить собственное право, то-есть, закон, который область принимает по тем темам, в которых она полномочна, путем редактирования или пересмотра областного директория (ср. Уст. 191). После одобрения его Генеральным настоятелем и его Советом он войдет в силу.

Однако это вовсе не означает, что каждый Областной Капитул обязан осуществить пересмотр своего директория или полностью переделать его, хотя он и имеет на это полномочия. Выше уже указывалось, что директорий должен отличаться стабильностью для областной жизни. Обычно Областной Капитул ограничивается проверкой и совершенствованием тех элементов директория, которые он считает необходимыми, как по применению решений последнего Генерального Капитула, так и в отношении особых важных и безотлагательных вопросов. Только в определенных обстоятельствах и по серьезным причинам понадобится более полный пересмотр директория.

Изучение директориев на последней сессии генерального Совета выявило, что области очень широко толкуют сущность директория. Некоторые области разработали длинный подробный документ, включая в него некоторые темы, которые порою не нужны. Другие ограничились основными нормами, разработав лаконичный текст, где есть лишь необходимые указания.

В связи с этим будет полезно остановиться на этом аспекте.

Природа директория

Как указано выше, директорий представляет собою текст *собственного права* (ср. Уст. 191), содержащий нормы нашего общего законодательства – Устава и Правил – применительно к действительности на местах, в тех контекстах, которые существуют в различных областях. В директории не следует повторять другими словами то, что уже указано в Общих Правилах; следует только указать нормы применительно к общим принципам или же дать специфические указания по поводу того, что в соответствии с Уставом или Правилами передается непосредственно областному законотворчеству.

Например, *строй некоторых аспектов жизни* собратьев оставлен на усмотрение области, исходя из Общих Правил. Это делается именно ради того, чтобы обеспечить децентрализацию. В связи с этим, область, посредством решений Областного Капитула, обеспечит разработку норм, требуемых в таких аспектах (ср. Прав. 58.65.72.87.88.106.190).

Основной принцип – обеспечить помощь, а не осложнить жизнь собратьям посредством тех норм, которые соответствуют местному контексту, существующей в области действительности. Речь идет о своде таких законов, которые бы регулировали жизнь и которые, несмотря на присущую им стабильность, все же можно было бы проверить и усовершенствовать на последующих Областных Капитулах.

Следует подчеркнуть, что областной директорий не заменяет Общие Правила и не истолковывает их. В нем лишь устанавливаются собственные нормы по их применению в области там, где это необходимо и показано. Совершенно ясно, что частное право подчиняется праву Конгрегации, стало быть, оно не должно противоречить общему праву, указанному Конституциями и Правилами. Оно может быть более специфическим, более конкретным, точнее соответствовать контексту, но не должно быть шире его и не должно расширять угол зрения, установленный общим правом всей Конгрегации.

Из разъяснения сущности собственного свода законов области ясно, что *не все может входить в директорий*. Существует разница между тем, что является предметом закона, совершенно четко определенным и одобренным, и указаниями того, по каким путям хочет идти область и какими процедурами руководствоваться, хотя по своей природе у них нет структуры жесткой юридической нормы. Так, например, областной воспитательно – пастырский план не является предметом областного директория, хотя он крайне важен для жизни и направления области. Это обеспечивает более спокойную постоянную проверку плана, поскольку не приходится проводить его по всем каналам для одобрения.

И наоборот, собственное право должно включать нормы по формированию в области в соответствующей части директория (*формирование*). В ней следует уточнить применительно к контексту указания основного Ratio (FSDB). В 87 статье Правил четко говорится, что нормы, касающиеся пути формирования в области, входят в областной директорий. Следовательно, они должны быть одобрены Областным Капитулом путем голосования и Генеральным Настоятелем с его Советом.

Некоторые конкретные пункты

Чтобы помочь областям и Областным Капитулам проверить те темы, которые являются предметом нормативов областного капитула, я считаю уместным коротко напомнить, исходя из указаний Общих Правил, какие именно аспекты должны непременно входить в директорий, в связи с тем, что области передаются принципы их применения.

Итак, вот краткий список *тех норм, которые должны войти в областной директорий*:

- жизнь в бедности (Прав. 58).
Областной Капитул должен установить скромный уровень жизни, регулируя, в частности, употребление личных орудий, которые собратья могут брать с собой в момент перемены дома. Отпуска братьев также регулирует Областной Капитул.
Следует также дать указания по поводу солидарности между домами области и той помощи, которую общины обязаны направлять на общие нужды области (при этом остается в силе то, что установлено статьей 197 Правил для областного настоятеля с его Советом).
- Проверка бедности (Прав. 65).
Общины обязаны подвергать проверке состояние бедности, свидетельство и оказанные услуги. Областной Капитул должен установить нормы и принципы проверки.
- Ежегодные духовные упражнения братьев (Прав. 72).
Принципы проведения упражнений устанавливаются Областным Капитулом и вводятся в директорий.
- Салезианское формирование (Прав. 87-88.106).
Все нормы проведения формирования в области, исходя из *Ratio*, входят в областной директорий, включая и то, что относится к непрерывному формированию.
- Работа Областного Капитула (Прав. 167,4).
Речь идет о всем том, что относится к организационным аспектам Областного Капитула, а не о его сущности.
Сам Областной Капитул должен установить нормы своей работы в соответствующем “регламенте”, который может пересматриваться и совершенствоваться на каждом Капитуле. Эти нормы могут входить частью в областной директорий, что придаст им большую стабильность. Но в таком случае следует помнить, что нормы, установленные в директории, могут применяться лишь после одобрения их генеральным настоятелем с его Советом.
- Местное областное управление (Прав.190).
Эти указания по управлению может устанавливать Областной Капитул; но он может также делегировать их областному настоятелю с его Советом. В любом случае, они должны войти в областной директорий.

В директорий могут входить также следующие нормы, хотя это не обязательно:

- Принципы консультаций по назначению директора (Прав. 170)
Эти принципы устанавливает областной настоятель со своим Советом. Однако Областной Капитул может дать указания относительно этого, соблюдая полномочия областного настоятеля и конфиденциальный характер консультаций, в тех пределах, которые обозначены в Уставе, и так, как его истолковывает Генеральный Настоятель со своим Советом, но может и не давать этих указаний.
- Фигуры и задачи ответственных за отдельные секторы деятельности в общинах (Уст. 185).
Областной Капитул должен установить фигуры и задачи ответственных за основные секторы деятельности в домах, но их не обязательно включать в директорий. Областной Капитул должен решить, включать их или нет.

В директорий не входят нормативы, относящиеся к:

— делегатам на Генеральный Капитул (Прав.162).

Порядок замены для участия в генеральном Капитуле устанавливается Областным Капитулом. Ясно, что это указание следует применять к Областным Капитулам, подготовительным перед очередным Генеральным Капитулом, а не представляет норму собственного права жизни в области. Поэтому его не следует вводить в директорий.

Полезная документация по теме областного директория

И, наконец, я полагаю, что вполне уместно указать вам некоторые документы, где объясняется сущность и содержание областного директория. К ним можно прибегнуть по случаю пересмотра самого директория:

- *Elementi giuridici e prassi amministrativa nel governo dell'Ispettorìa*. (Юридические аспекты и практика управления области). Рим, 1987, № 22: полномочия Областного Капитула; №№43-45: темы, касающиеся того, как отражено формирование в директории.
- *Il progetto di vita dei Salesiani di Don Bosco* (Программа жизни салезианцев Дона Боско), стр. 884-885.
- *L'Ispettore Salesiano (Областной настоятель у салезианцев)*, № 314, о жизни в молитве; № 365: о части формирования; №382: об областном директории.

Я полагаю, что эти весьма существенные указания могут принести пользу не только тем, кто непосредственно занят разработкой указаний и законодательных норм в сфере области во время областного капитула, но и всем собратьям для того, чтобы яснее осознать ценность директория по применению Устава и Общих Правил для жизни и миссии области.

Формирование катехизаторов в миссионерских странах

Дон Лючано Одорико
Генеральный Советник по миссиям

Во время тщательных миссионерских визитаций, проведенных на всех континентах, часто возникала потребность подчеркнуть важность формирования катехизаторов. В связи с этим в этом номере Документов Генерального Совета и в следующем, я хотел бы поделиться размышлениями по двум темам, которые считаю безотлагательными:

0

1. *Формирование катехизаторов в миссионерских странах;*
2. *Центры формирования для катехизаторов в миссионерских странах.*

Следует учитывать, что в наших миссионерских салезианских присутствиях катехизаторы – это наши первые помощники-миряне, и мы обязаны уделить им особое внимание и заботу. Именно они “особым образом заслуживают звания “катехизаторов”” (1/СТ, 66).

Следует подчеркнуть основные пункты их серьезного формирования и указать соответствующие их структуры.

Это не новая тема; она является одной из самых сложных и ключевых задач пастырской деятельности Церкви и, в частности, ее миссии *ad gentes*. Меня радует возможность разделить с вами эту радость и заботу. В связи с этим хочу привести цитату из энциклики *Redemptoris* чтобы подчеркнуть ее важность:

“Катехизаторы – это высококвалифицированные труженики, непосредственные свидетели и незаменимые евангелизаторы, представляющие собою основополагающую силу христианских общин, в особенности в молодых Церквях... Их труд становится все более трудным и сложным в связи с происходящими в Церкви и культуре изменениями. Сегодня остается актуальным то, что предлагалось на II Ватиканском Соборе: более тщательная доктринальная и педагогическая подготовка, постоянное духовное и апостольское совершенствование, необходимость “обеспечить достойный уровень жизни и социальную защищенность” катехизаторам” (2/RM, 73).

Интересно заметить, что почти во всех документах особо выделяется важность духовности катехизатора, которая помогла бы ему осознать важность его миссии и поддерживала бы его в труде. Эта духовность является таким знаком зрелости христианской общины, поскольку показывает жажду святости.

Личность катехизатора

Приведенный отрывок из *Redemptoris Missio* уже показывает, каким должно быть основное содержание формирования катехизаторов: гуманитарным и целостным, а также доктринальным и педагогическим, духовным и апостольским. Остается проблема *гармоничного формирования личности катехизатора в целом, таким образом, чтобы не допускать параллелей и изоляции духовного аспекта от мирского и апостольского.*

Почти во всех документах делается особый упор на человеческие и христианские качества катехизаторов, на условия их отбора и на том, какие полномочия им следует поручить, на способность учить, воспитывать и свидетельствовать веру, начиная с тех, кто разделяет их жизнь и профессию.

Сегодня фигура катехизатора “доброй воли” превратилась в анахронизм, в связи с нуждами самой христианской общины и потребностями квалифицированной евангелизации и катехизации. Следовательно, в формировании катехизатора необходимо максимально индивидуализировать его познавательные и педагогические способности, и прежде всего, *апостольскую духовность*; короче говоря, необходимо формировать “законченного, ответственного и динамичного катехизатора, который работал бы с энтузиазмом и выражал радость, выполняя свою задачу” (Конгрегация по Евангелизации Народов (КЕН), *per i Catechisti*. Рим, EDB, 1994, 17). Это означает, что следует стремиться к единой и гармоничной личности катехизатора, строя ее на “глубокой близости со Христом и Богом-Сотворителем на духовном, апостольском уровне, а также на уровне участия в жизни мира” (4/ Ср. СТ, 5-6; КЕН, 20).

В некоторых документах более подробно уточняется, *какие качества должен иметь катехизатор*. Эти документы настолько изобилуют перечнем требуемых качеств, что можно задать вопрос: да кто же может стать катехизатором сегодня? Разве личность катехизатора должна выкристаллизоваться в процессе его катехизаторской деятельности и духовного роста в рамках христианской общины?

Основная проблема – это выбор катехизатора. Он зависит от многих факторов: четкости мотивировки, человеческой зрелости (5/Ср. КЕН, 21) кандидата и церковной общины, возраст достаточного интеллектуального формирования, наличия у него предков-христиан, количество людей, которые могут исполнять эту должность, соответствующей оплаты катехизаторов, работающих полный рабочий день (6/Ср. Гал 6,6: 1Кор 14, 18-19).

Хороший подбор катехизаторов зависит также от того, насколько пастыри и община ценят и задачу катехизатора, а это особая роль среди других должностей непосвященных мирян также от того, насколько все желают иметь квалифицированную священническую церковь (Неясен смысл Стр.55, 1 абзац снизу) (7/Ср. КЕН, 17). Она является истинной, когда каждая харизма сохраняет свою сущность и не вторгается в другие харизмы (8/Ср. 1Кор 12, 29-30; 12,3). Признано, что катехизатор (*didaskalos*) занимает должность *вероучителя*, то-есть, принимает существенное участие в основной миссии Церкви учить все народы (9/Ср. Мф. 20). Это – одна из самых благородных миссий, поскольку она беспрестанно продолжает начатое единым Учителем, Иисусом Христом (10/Ср. СТ, 6; Ср. Ин 7, 16).

Во многих деревнях очень важную роль играет фигура *постоянного катехизатора*, если миссионера. Он участвует в структуре деревенской общины, его уважают и считают по-настоящему ответственным за жизнь общины и в некоторых случаях *нерукоположенным священником*, с ним советуются также в случаях миротворчества. Тем не менее, это не должно заставить нас забыть, что важность его роли зависит не от людского признания, а от самих потребностей его миссии первого свидетеля возвещаемого им Евангелия.

Коротко говоря, выбор катехизаторов требует, чтобы они *полностью осознавали свою принадлежность к Церкви и обладали глубокой духовной жизнью*, слушая Слово Божье, и

чтобы, кроме того, это были по человечески зрелые, истинно верующие люди, имеющие профессиональную подготовку.

Формирование катехизатора

Само собой разумеется, что формирование катехизаторов непосредственно зависит от Церкви на всех уровнях христианской общины, епархии, епископских конференций, поскольку их призывает и посылает Церковь. Катехизаторы – это прежде всего, дар Духа Его Церкви.

Обычно формирование включает три уже ставших классическими аспекта: 1) *личность* катехизатора; 2) *знания* катехизатора; 3) *знание* катехизатором *своего дела*. Я добавлю к этому еще один, 4-й пункт: *продолжительность* этого служения. Это вовсе не маловажный критерий для того, чтобы обеспечить оптимальное постоянное и специфическое формирование для каждого. И для того, чтобы оценить прочность и качество достигнутых целей (11/Ср КЕН, 2007). Что касается знаний и знания своего дела, это зависит не только от передачи содержания и методики. Эти аспекты требуют прежде всего наличия общего контекста, где взаимодействуют личный опыт, участие катехизатора в общей работе, способность его к диалогу, открытость мышления, искренность христианской жизни, что помогло бы облегчить свободу выражения вмешательства, а также замысел личной жизни (?неясен смысл. Стр. 57, абз.1 сверху).

Знания катехизатора включают: 1)его формирование и человеческую зрелость; 2)его способность познания, которую усиливает опыт его жизни и его педагогические способности; 3)непосредственное знание Библии, доктринальные, литургические, органические и систематические познания; 4)знание им своих воспитанников и их культуры.

Знание катехизатором своего дела включает: 1)педагогическую квалификацию; 2)познание методологии катехизаторства; 3)знание различных более специфических методов, например введение в молитву, в динамику группы, в символические жесты, пути оглашения, молодежеской пастырской деятельности, и т.д.

В различных программах, исходя из *духовности*, этой основы основ жизни и формирования катехизатора, делается особый упор на *глобальном видении формирования*, включающего гуманитарные науки (методологию, психологию), а также гражданское и культурное формирование, заботу о созидании общества и работу над его развитием, досуг и умение.

Один из *важных аспектов* знаний и знания своего дела – *культурная квалификация* лиц, занимающихся пастырской деятельностью, в том числе, и катехизаторов. Весть следует инкультурировать в переплетение человеческих отношений там, где она возвещается, с тем чтобы слушающий мог не только понять весть и усвоить ее, но и выразить ее своим *языком* таким образом, чтобы придать своему жизненному стилю динамизм пасхальной тайны.

Никким образом нельзя забывать, что изучение проблемы религиозных сект выявляет отсутствие катехизации, особенно на периферии городов. Эта немаловажная проблема должна вызвать лично у катехизатора стремление непрерывно повышать доктринальное и специфическое формирование в некоторых широких (агеораги – стр.57, 1 абзац снизу) областях, - среди военных, в тюрьмах, больницах, среди беженцев, и т. д. Это требует так же наличия у христианской общины *миссионерского стиля мышления*.

Организация формирования

В большинстве программ по формированию рассматривается прежде всего *основное и начальное формирование* катехизаторов. Во многих местах требуют, чтобы деятельности катехизатора предшествовала хотя бы 30 – часовая подготовка.

Существуют также курсы формирования для аниматоров групп катехизаторов на местном епархиальном уровне.

Кроме общего формирования катехизаторов, делается особый упор в частности:

←

- на *жизненном свидетельстве*;

- на имеющемся у них чувстве *принадлежности к Церкви*, местной (непосредственное участие в ее жизни, проживание...) и епархиальной (верность указаниям епископа и епархиальной практике),
- на их способности *собирать и воодушевлять группу катехизаторов*, программировать катехизацию в зависимости от возраста и широких жизненных проблем: воспитание людей, инкультурирование, проблема зла и страдания, библейское формирование, а также другие *агеораghi* (? Стр.58, после 3-й точки) соответствующие кругу различных проблем в каждом контексте или географическом поясе.

Программирование формирования зачастую включает трехгодичный цикл. Или несколько короче. Он состоит из ежеквартальных сессий (особенно для катехизаторов из сельских местностей) либо из систематических ежемесячных или еженедельных курсов. Многие зависят от персонала, выделенного епархией, а также от того, насколько были привлечены в помощь священники, монашествующие, монахини и квалифицированные миряне. Почти всегда собрания по формированию завершаются молитвенными встречами, во время которых происходит с опытом, рост и духовное созревание.

Во многих центрах по формированию проявляют интерес к социо-культурной действительности, к непрерывности и методичности курсов, к непосредственному опыту общины, к диалогу, к личности катехизатора (12/Ср. КЕН, 28).

Духовность катехизатора

“Миссия вероучителя требует *глубокой духовной жизни* катехизатора. Именно это является основным аспектом его формирования” (13/КЕН, 22; ср. RM, 90). Мы можем сказать, что, как миссионер, истинный катехизатор должен быть верующим человеком, призванным осуществить свое призвание “с пылкостью святых” (14/КЕН, 6; EN; 80).

Прежде, чем свидетельствовать об *усилии непрерывного обращения* к Богу Иисуса Христа, которого он возвещает, катехизатор должен осознанно относиться к:

←

- своим гражданским обязанностям, ответственно относиться к своей семье и человеческому христианскому воспитанию детей;
- необходимости того, чтобы его сопровождал “спутник” в духовном смысле; он должен также заботиться о молитвенной жизни;
- тому, что он должен говорить не от своего имени, а от имени Иисуса Христа, единственного Учителя (15/Ср. СТ,8);
- исполнять свое служение, как “посланный” христианской общиной;
- должен слушать Слово Божие в Церкви, чтобы свидетельствовать свою верность с некоем (16/Ср. EN, 15.16; СТ,6): катехизатор вначале – “посланный”, а уж потом – “служитель Слова”;
- питать свою веру и духовную жизнь от источников благодати, посредством *глубокой молитвенной жизни и участия в таинствах*;
- непременно включить в свою жизнь верность Богу и всему человеку (17/Ср. СТ, 55), выходящую за рамки инкультурирование как первостепенной важности задачу своего непрерывного формирования;
- помнить о цели катехизации, то-есть, о том, чтобы все, благодаря ему, могли глубоко сблизиться со Христом (18/Ср. СТ, 5).

Только тогда он будет настоящим вероучителем.

В своей *способности слушать Слово Божье* катехизатор открывает и то, что его призвание это дар Духа и источник изумления, и отвечает на него, великодушно и бескорыстно отдавая свои силы (19/Ср. Мф 18, 8). Следовательно, христианская община должна систематически предлагать и требовать такого рода призвания.

Учение не выше своего учителя (20/Ср. Мф 10, 24-25). В своем поведении *слуги* катехизатор видит источник своего *духовного богатства и глубокой радости*, которую вызывает у него возвешение Слова.

Еще один важный элемент духовности катехизатора – это его *чувство принадлежности к Церкви*, с широким миссионерским подтекстом, с открытостью всем и вниманием к нуждам беднейших. Это чувство проявляется в деятельном и ответственном участии в жизни своей общины, в том, что он с миссионерским рвением выполняет свой труд, в солидарности с пастырями Церкви, поскольку он выступает их посредником, в его любви к единству, в уме принять всех во Христе, ибо в Нем никто не может быть отвергнут, пока его не выслушают изумлении перед всем, что есть истинного и чистого в человеке, группе людей и культуре, этом не выпячивая свою культуру.

В своей духовности катехизатор не должен забывать об отношениях с Девой Марией, “Матерью и Образцом катехизатора” (21/СТ, 73), Первой принесшей в мир Христа и Первой из учеников. Кто был евангелизирован. *Образец*, так как Она впитала Своим сердцем Слово. *Мать*, сформировав Своего Сына в человеческом знании Писания (22/Ср. Там же), Она лучше всех других может воспитать нас в Нем.

Заключение

Нас весьма радует, когда, читая большое количество документов, получаемых из Дикастера, мы замечаем в единодушное стремление миссионерства и радость, с которой говорится о катехизаторах, о заботах по их подготовке и сопровождении, которые проявляют наши миссии, о том, что ощущается стремление совершенствовать их формирование, особенно на уровне инкультурирования Евангелия.

Мы представили идеальную картину соответствующего формирования катехизаторов. Благодаря моему опыту миссионерских визитаций, я не раз констатировал, что уровни подготовки весьма различны. Я высоко оценил все эти уровни, поскольку они точно отвечают безотлагательной потребности и миссионеры принесли немалые жертвы во имя этого. Вышеприведенные директивы не должны обесценить настоящие усилия; их цель – указать возможность более широкого развития.

Катехизаторы – это первые свидетели и незаменимые евангелизаторы. Они трудятся ради того, чтобы христианская община, в особенности, общины молодых Церквей, прочно утвердилась. Недавно 24 ГК подчеркивалась роль мирянина, “по праву являющегося субъектом евангелизации в лоне Народа Божия” (23/ГК24, 15).

Миссионерское осмысление первого рабочего момента среди запланированных приоритетов за данный шестилетний период указывает на *отношения между салезианцами и мирянами, в особенности, катехизаторами*. Мы не должны забывать, что следует представлять это служение, предлагать верующим великодушно удовлетворить эту потребность Церкви и содействовать всем инициативам по формированию и сопровождению их. Это особое внимание миссии Церкви требует от нас заботиться о более глубоком представлении экклезиологии общения, народа Божьего и о совершенствовании миссиологии.

Исповедание веры и клятва верности при принятии какого-либо служения именем Церкви

Генеральный Секретарь

Апостольское послание AD TUENDAM FIDEM, опубликованное Иоанном Павлом II в форме *Motu proprio* от 18 мая 1998 года в Оссерваторе Романо за 30 июня – 1

июля 1998 года вводит некоторые изменения в ряд канонов Кодекса Канонического Права и в Кодекс Восточных Церквей в связи с Исповеданием веры и Клятвой верности, которую приносят все, кто принимает какое-либо церковное служение и исполняет его именем Церкви.

Текст Исповедания веры, приложенный к апостольскому посланию, в основном, соответствует тексту, который был опубликован в 1989 году Конгрегацией по Вероучению. Он приведен в *Acta Apostolica Sedis* (AAS 81[1989] стр. 104). Этот текст был опубликован нами с введением в №331 ДГС на стр. 40-44. Как замечала сама Конгрегация по Вероучению во “вступительной записке”, в тексте *Исповедания веры* в общем воспроизводилась действующая формула, принятая в 1967 году с небольшими изменениями. *Клятва верности*, которая считается дополнением исповедания веры, однако, была написана заново.

Отправляем читателя к вышеупомянутому №331 ДГС, в котором приводится комментарий по общим нормам, регулирующий это обязательство. Это обязательство, по норме Кодекса и нашего Устава, обязаны соблюдать все (настоятели монашествующие, приходские настоятели, преподаватели богословия и философии, ректоры церковных Университетов, все, рукоположенные во диаконы). Ниже приводится формула Исповедания веры и Клятвы верности, по приводимому апостольскому посланию *Ad tuendam fidem*; его содержание специфически войдет в ряд канонов Кодекса Канонического Права.

Публикация апостольского послания, где напоминаются нормы, в которых подчеркивается единство в исполнении церковного служения и должностей, представляет собою удобный случай и для нас напомнить всем, кто по различным основаниям обязан соблюдать верность также и в тех случаях, которые не являются чисто формальными. Для нас, салезианцев, это выражение верности и единства с Церковью и Папой, о чем упомянуто в 13 статье нашего Устава.

Итак, ниже приводятся тексты, в латинском подлиннике и в переводе, Исповедания веры и Клятвы верности. Для Клятвы предлагается текст с изменениями в параграфах 4 и 5, предусмотренными для монашествующих.

ЛАТИНСКИЙ ТЕКСТ

[Смотреть по Документу]

ПЕРЕВОД

Исповедание веры

Я, Н.Н., верю и с твердой верой исповедаю все истины, включенные в Символ веры, то-есть:

Верую в единого Бога, Отца всемогущего, Творца неба и земли, видимого всего и невидимого. Верую в единого Господа Иисуса Христа, единородного Сына Божьего, от Отца рожденного прежде всех веков: Бога от Бога, Свет от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, не сотворенного, единосущного Отцу, через которого все сотворено. Ради нас, людей, и ради нашего спасения сошел с небес и действием Духа Святого воплотился от Марии Девы и стал человеком. Был распят за нас при Понтии Пилате, умер и погребен. В третий день воскрес из мертвых, по Писаниям, и восшел на небеса, и сидит одесную Отца. И опять придет во славе судить живых и мертвых, и Его царству не будет конца. Верую в Духа Святого, Господа и животворящего, от Отца и Сына исходящего, которому вместе с Отцом и Сыном подобает поклонение и слава, Он же вещал через пророков. Верую в Церковь, единую, святую и апостольскую; исповедую

единое крещение во оставление грехов. Ожидаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь.

Твердо верую также всему, что содержится в Божьем Слове, записанном или переданном, и которому Церковь в торжественном суждении и в обычном своем всеобщем учительстве предлагает верить, как божественному откровению.

Твердо принимаю и храню также все истины относительно учения о вере или обычаях, окончательно предложенных Церковью.

Кроме того, со всем религиозным почтением воли и мысли принимаю учительство, предлагаемое римским Понтификом или Коллегией Епископов, когда они исполняют свое истинное учительство, даже если не намерены провозгласить его окончательным актом.

Клятва верности при принятии какого-либо служения именем Церкви

Я, Н.Н., принимая служение ... обещаю всегда сохранять единство с католической Церковью, как в моих речах, так и в моей деятельности.

Я всегда буду усердно и верно исполнять обязанности, вменяемые мне как по отношению к вселенской, так и поместной Церкви, в которой, в соответствии с нормами права, я был призван исполнять мое служение.

Исполняя служение, порученное мне именем Церкви, я сохраню в целостности, обязуюсь передать и верно пояснять свидетельство веры, тем отвергая всякое несогласное с ним учение.

Я обязуюсь поддерживать наставление, общее для всей Церкви, и содействовать соблюдению всех церковных законов, в особенности включенных в Кодекс Канонического Права.

Я обязуюсь соблюдать с христианским повиновением все, что провозглашают святые пастыри Церкви, истинные учителя и наставники в вере, или то, что установлено ими, как главами Церкви, в единстве с епархиальными епископами, кроме характера и целей моего Института; охотно предложу мои услуги, дабы апостольская деятельность, которую должно исполнять именем и по поручению Церкви, совершалась в единстве с самой Церковью.

И да поможет мне Бог и эти святые Евангелия, на которые я возложил руки.

NB. Перевод четвертого и пятого параграфов общего текста (не для монашествующих)

Я обязуюсь следовать и поддерживать дисциплину, общую для всей Церкви, и озаботиться соблюдением всех церковных законов, в особенности включенных в Кодекс Канонического Права.

Я обязуюсь соблюдать с христианским повиновением все, что провозглашают святые пастыри Церкви, как истинные учителя и наставники в вере, или то, что установлено ими, как главами Церкви, и обязуюсь верно помогать епархиальным епископам, дабы апостольская деятельность, которую должно исполнять именем и по поручению Церкви, совершалась в единстве с самой Церковью.